

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1866-й годъ.

Новый годъ, 1866-й. Императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ взглянулъ на истекшій 1865-й годъ. Для Русскихъ, исключая смерти Наслѣдника, онъ повидимому можетъ назваться замѣчательнымъ годомъ, годомъ гласности въ печати и въ судилищахъ, въ собраніяхъ городскихъ и земскихъ, гдѣ довольно опредѣленно формулировано заявленіе о конституціи. Но для Европы 1865-й годъ былъ плохой годъ. Ни одного вопроса общаго не рѣшилъ онъ; рѣшилъ нѣкоторые частные, о Шведской конституціи, о Датской конституціи довольно удачно, но Шлезвигское дѣло, Прусскую внутреннюю борьбу, Австрійское единство, центральное управленіе Германіи—болѣе нежели неудачно. Итальянскій вопросъ, конвенціею 15 Сентября, рѣшенъ, чтобы пробудить ожиданія и неудовольствія; Восточный вопросъ усложняется положеніемъ Славянъ и неустройствами Греціи, а вопросъ Польскій, хотя принялъ опредѣленное направленіе, клонящееся къ объединенію польщизны, но съ другой стороны грозитъ перейти и образовать въ Россіи новый вопросъ, Нѣмецкій. Кончилась война въ Соединенныхъ Штатахъ, расширилось господство Европы и цивилизаціи на отдаленномъ Востокѣ. Вообще продолжительность и благосостояніе жизни развиваются въ неуклонномъ направленіи, но являются симптомы болѣзни, выражающіеся въ Европѣ въ вопросѣ о рабочихъ, принимающемъ значеніе общаго дѣла и силы, а у насъ въ вопросѣ о пьянствѣ и преступности.

Для меня годъ этотъ лично будетъ памятенъ процвѣтаніемъ моихъ крошекъ, нормально развивающихся и физически и нравственно, и моими болѣзнями, начавшимися отъ огорченій, до сихъ поръ меня удручаю-

*) См. выше, стр. 224.

щихъ. Памятенъ онъ и безвременнымъ, холоднымъ лѣтомъ, котораго половину я такъ дурно провелъ въ деревнѣ.

Дворянскія крамолы, послѣ Москвы, повторяются почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ представлялся случай, въ Тулѣ, въ Рязани, въ Орлѣ. Крамола вторглась даже въ земскія собранія, въ Костромѣ и Петербургѣ. Это дало поводъ Дм. Милютину и А. А. Зеленому вызвать вопросъ объ измѣненіи нынѣшнихъ земскихъ учреждений въ Совѣтъ Министровъ. Они находили, что излишнее вліяніе, предоставленное дворянству, даетъ этому сословію возможность агитировать и дѣлать предложенія, несогласныя съ мнѣніями и требованіями другихъ сословій. Изъ опасенія конституціи съ ними согласились старшіе члены. Валуевъ одержалъ полную побѣду и помѣстилъ въ „Сѣверной Почтѣ“ три превосходныя аналитическія статьи о нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ. Рязанскіе выборы дворянства кассированы, но агитація и оппозиція пробрались и въ городскія управы. Въ 4 № „Вѣсти“ напечатана рѣчь гласнаго гр. А. Строганова (отца мужа герцогини Лейхтенбергской), отличающаяся пошлою дерзостью противъ правительства, именно противъ министра финансовъ. Въ ней замѣчательна только дерзость, если содержаніе и справедливо. Я долженъ удостовѣрить, что рѣчь эта принята во всѣхъ кружкахъ Московскихъ съ большимъ сочувствіемъ. Общая оппозиція правительству въ дворянствѣ и агитація всѣхъ собраній противъ администраціи, въ настоящее время, суть общія мѣста и непремѣнное условіе. Неудовольствіе все растетъ, оппозиція развивается, печать усиливается, и строгости управленія становятся недостаточными. Явись нужда, явятся открытая вражда порядку и безопасности.

На дняхъ провелъ у меня цѣлый вечеръ предсѣдатель слѣдственной комиссіи въ Симбирскѣ при сенаторѣ Ждановѣ оберъ-секретарь Сяницкій. Онъ подробно разсказывалъ мнѣ о ходѣ дѣла, и общее впечатлѣніе на меня этого разсказа было то, что Ждановъ ничего не открылъ, а чтѣ открылъ не имѣетъ ни нравственной, ни юридической точности. Повидимому, наскучивъ 14 мѣсячнымъ безуспѣшнымъ разысканіемъ, слѣдствіе ударило на сыщиковъ, которые, подъ руководствомъ квартальнаго Розова отыскивали двухъ дѣвокъ, Катерину Никандрову (Катьку) и Лисавету (Чубарову). На ихъ извѣтахъ построено все обвиненіе полковника Дудинскаго, командовавшаго батальономъ въ Симбирскѣ. Дудинскій—Русскій, православный. Показаніе дѣвокъ отличается смѣлостію и невѣроятіемъ. Лисавета, при увѣщаніи предсѣдателя (довольно неумѣстнымъ) упала на колѣни и въ слезахъ созналась, что всѣ обвиненія ея есть ложь, выдуманная и внушенная ей Катериною. Можетъ быть, Сяницкій, по неудовольствію на Жданова, старается ослабить силу

уликъ и распоряженій сенатора, но самыя показанія Катерины (въ послѣдствіи подтвержденныя деньщикомъ Дудинскаго Пыляевымъ) представляются въ высшей степени невѣроятными. Есть основанія однако полагать, что въ средѣ порочнаго класса жителей были подкупные поджигатели.

Что занимаетъ и волнуетъ Москву? Праздники, туалеты, спектакли, для которыхъ явился и отличный организаторъ, графъ В. Салогубъ. Москву занимаютъ Петербургъ и новые судебные порядки. Гр. Уваровъ устроилъ художественный праздникъ, гр. Салогубъ—праздникъ артистовъ. Балъ у генераль-губернатора созвалъ все высшее общество Москвы. Изъ процессовъ замѣчательны: о поддѣлкѣ свидѣтельствъ лотерейнаго займа Неофитовымъ и Одасовскимъ и о коллеж. сов. Кирѣвскомъ, племянникѣ графини Марьи Васильевны Адлербергъ, судимомъ за воровство-мошенничество. Первое дѣло, для спектакля, докладывалось въ залахъ Думы. Второе дѣло легло мнѣ на сердце. Н. А. Кир. мой давній пріятель; мое первое знакомство въ Петербургѣ, у его матери, по рекомендаціи его тетки, княгини Вар. Вас. Голицыной. Онъ братъ предназначенной невѣсты моей Catherine (теперь граф. Шуленбургъ, въ Калугѣ, виц.-губерн.). И вотъ генеральскій сынокъ, Французикъ изъ Бордо, серьезный химикъ, человекъ хорошей фамиліи и когда-то богатой, сидитъ на скамьѣ съ однимъ Французомъ и однимъ Нѣмцемъ, обвиняемыми въ мошенничествѣ. Въ № отъ 25 Янв. „Москов. Вѣдом.“ есть поправка, что Кирѣвскій не судится за воровство, а былъ спрашиваемъ по обстоятельствамъ дѣла. Поправка эта сдѣлана вслѣдствіе затребованной мною справки, а Кирѣвскій не протестовалъ и не претендовалъ. Къ счастью, и отецъ, и мать умерли. Онъ получилъ поверхностное Французское образованіе и имѣлъ направленіе матеріалистическое. Служилъ въ коннопіонерахъ и въ послѣдствіи былъ полковникомъ и адъютантомъ графа В. Перовскаго въ Оренбургѣ, гдѣ замѣчательно описалъ и разобралъ бунтъ Киргизовъ. Выйдя въ отставку и переехавъ въ Москву, онъ нѣкоторое время занимался редакціей „Вѣстника естественныхъ наукъ“, прекратившагося по недостатку подписчиковъ. Я только одинъ разъ встрѣтилъ его прошлаго года и приглашалъ къ себѣ. Онъ у меня не былъ. Послѣ смерти родителей, оставшись безъ средствъ, онъ вошелъ въ сообщество прохождо-иностранцевъ и вѣроятно сдѣлался орудіемъ ихъ продѣлокъ.

Сегодня докладывалось у насъ въ департаментѣ дѣло объ одномъ воронкѣ, котораго палата и осудила, безъ лишенія правъ, въ солдаты. Онъ лаконически апеллируетъ лѣтъ черезъ 12 (порядокъ!), говоря, что я виноватъ, но мнѣ было 15 лѣтъ. Секретарь докладываетъ, что

„приговоръ представляется правильнымъ, и апеллятору слѣдуетъ отказать“. Я выразилъ мое сомнѣніе, находя, что назначить въ солдаты вмѣсто рабочаго дома и неправомѣрно, и несогласно съ закономъ. Оберъ-секретарь и оберъ-прокуроръ ссылаются на статьи Уложения 1845 г. и увѣряютъ, что они неизмѣнены. Я указалъ на законъ, измѣнившій этотъ порядокъ еще въ 1850, и наконецъ на ст. 152 Уложения въ изданіи 1857 г. Тутъ возражать было нечего, и всѣ согласились со мною. Порядокъ! Я рѣчь веду не о томъ, что суды ошибаются, а о томъ, какъ грубо они ошибаются, и какъ мало внушаютъ довѣрія сенатскіе дѣльцы, всегда отличавшіеся опытностію и знаніемъ законовъ. Ни палата (порядокъ!), ни сенатская канцелярія не знали о такомъ коренномъ измѣненіи закона, имѣющаго вовсе нерѣдкое примѣненіе.

Дурное состояніе нашихъ учрежденій зависитъ отъ личнаго состава, а въ назначеніяхъ его господствуютъ произволь, кумовство и пристрастіе. Въ настоящемъ случаѣ упадку сенатской канцеляріи много способствовало обнародованіе о скоромъ упраздненіи Сената. Порядокъ!

Обнародованіе въ „Вилensk. Вѣстникъ“ и перепечатаніе почти во всѣхъ газетахъ свѣдѣній объ Иосафатѣ Огрызко, одномъ изъ коноводовъ Польскаго бунта 1863 г., невольно ведетъ къ заключенію если не о сообщничествѣ, то о большой оплошности Министерства Финансовъ, гдѣ Огрызко имѣлъ весьма большой кругъ дѣятельности, и Польскіе бунтовщики открытый притонъ. Уже и прежде „Современ. Лѣтопись“ и „Русскій Вѣстникъ“ открыто обвиняли Министерство Госуд. Имуществовъ въ открытомъ содѣйствіи бунту въ западныхъ губерніяхъ; но участіе Огрызко такъ явно, такъ сильно и такъ нагло прикрывалось служебнымъ положеніемъ, что надобно удивляться, какъ Рейтернъ и Гротъ остаются статсъ-секретарями и на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ не оправдывается ли общее подозрѣніе въ тайной крамолѣ Великаго Князя Константина, имѣющей цѣлію, посредствомъ внутреннихъ переворотовъ, отъ запутанности дѣлъ и отношеній, перемѣнить династію? И въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ его не иначе разумѣютъ, какъ крамольникомъ и не иначе называютъ какъ Орлеаномъ. Я помню, какъ на вопросъ мой о результатахъ слѣдствія о пожарахъ, министръ отвѣчалъ мнѣ: *aucune, l'enquête s'arrête à la porte qui ne veut pas s'ouvrir, au Palais de Marbre*. Правда, легонькіе министры наши не дорожатъ ни словами, ни отзывами; такова эпоха, такой коллобродъ посреди массы неестественныхъ, безпрестанныхъ преобразованій, дающихъ скорости законности необходимости, какъ во времени, такъ и въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Но всему мѣра, должна быть мѣра и легкости.

По моему убѣжденію мы идемъ къ диктаторской власти. Журнализмъ въ полномъ развалѣ, демократизмъ ищетъ въ себѣ широкаго

пути въ земскихъ учрежденіяхъ, которыя хотять овладѣть хозяйствомъ и имуществомъ государства, и недалеко время господства, предводимаго единичными жожаками. Нужда приведетъ къ конституціи, а нужда уже началась. На Парижъ рубль стоитъ 319, внутри обращеніе цѣнностей затруднено чрезвычайно. Случись голодъ или экстраординарная затрата, и собраніе нотаблей выразить все недовѣріе, все презрѣніе къ Петербургскому правительству, къ Петербургскимъ реформаторамъ, администраторамъ и педагогамъ. Повторяю: слово Петербургскій въ Москвѣ есть слово бранное.

Время раздраженія, порицаній и нетерпимости не прошло и не проходитъ. Оно возрастаетъ, усиливается и распространяется. Нѣтъ собранія, временнаго или постояннаго, въ которомъ не было бы кабалы, крамолы, сплетень или какихъ гадостей. Въ Купеческомъ клубѣ украдены деньги, въ Англійскомъ клубѣ ведетъ крамолу нѣкто Бѣшенцовъ и требуетъ на судъ старшинъ. Другое заявленіе требуетъ исключенія крамольщиковъ. Рахмановъ требуетъ копій съ переписки, чтобы вести дѣло судомъ. Въ Юридическомъ обществѣ пропали деньги. Въ Обществѣ любителей словесности является новая партія. Обществомъ завѣдывали Славянофилы, его воскресилъ Хомяковъ, его вели Погодинъ и Ив. Аксаковъ. Теперь въ него втираются нигилисты и произвели жаркіе сцены-скандальцы. Они выставили кандидатомъ въ секретари Котляревскаго и ловко сдѣлали его выборъ. Онъ оказался *подъ надзоромъ полиціи*, и Погодинъ замѣтилъ это, и Котляревскій, въ весьма ироническомъ тонѣ, отказался отъ должности, прося выбрать болѣе благонадежнаго, который могъ бы лучше пользоваться и довѣріемъ въ расходахъ, и вниманіемъ предсѣдателя. Онъ уволенъ, и все внесено въ протоколъ. Въ слѣдующемъ собраніи Чижовъ, Буслаевъ и др. требовали уничтоженія приговора и избранія Котляревскаго. Шумъ сдѣлался общій, когда С. А. Масловъ началъ читать мнѣніе о томъ, что въ члены общества и въ секретари выбирались всегда люди извѣстные, доброкачественные. Калачовъ, временный предсѣдатель, едва удержалъ собраніе, предложивъ балотировку, просить или не просить Котляревскаго. Рѣшено — большинствомъ 1 голоса просить, Котляревскій избранъ и, по совѣту, шепотомъ сказанному Калачовымъ, отказался, извиняясь многодѣліемъ. Тогда избранъ прежній, М. П. Полуденскій, отказывавшійся прежде единственно потому, что съ Погодинымъ работать трудно, а Погодинъ теперь отстраненъ, и ему подносятъ благодарственный адресъ. Безпрестанныя исторіи. Надобно переждать. Время выводитъ все изъ колеи.

23-го. Я познакомился съ профессоромъ богословія Сергіевскимъ, и разговоръ шелъ о его отчетѣ министру по обзорнїямъ и совѣщанїямъ о порядкѣ преподаванія богословскихъ наукъ въ нашихъ уни-

верситетахъ. Онъ и товарищъ его находятъ его неудовлетворительнымъ, и Сергіевскій полагаетъ вновь введенныя уставомъ 1864 г. церковныя кафедръ (церковное право и церковную исторію) сгруппировать вмѣстѣ и, распространя преподаваніе богословія, предоставитъ 4 преподавателямъ соединяться для совѣщаній и обмѣна мыслей. Я нахожу, что это есть зарожденіе богословскаго факультета и не оспариваю полезности этой мысли; желаю только, чтобы она была выражена откровенно и могла на дѣлѣ имѣть развитіе и примѣненіе. Сергіевскій отрицаетъ мысль о факультетѣ въ своемъ отчетѣ и утверждаетъ, что сгруппированіе предметовъ только усилитъ познанія студентовъ въ богословской наукѣ, находящіяся теперь въ разсѣяннн и подъ давленіемъ массы факультетскихъ предметовъ. Это, думаю я, не болѣе какъ хитрость и неловкая уловка: церковное право и исторія въ двухъ разныхъ факультетахъ имѣютъ цѣлю не то что богословіе (т. е. православіе), и обнимаютъ всѣ исповѣданія, слѣдовательно имѣютъ цѣль научную и факультетскую.

Другой предметъ спора—значеніе преданія. Сергіевскій полагаетъ, что преданіе способно развиваться, приращаться и убавляться въ условіяхъ мѣста и времени. Да, но не преданіе церковное, которое потому только и обязательно, что всецѣло и чисто передается изъ вѣка въ вѣкъ и отъ одного поколѣнія и народа другимъ. Иначе, гдѣ же предѣлъ произволу ума, вращающагося въ разныхъ условіяхъ времени и мѣста? Такъ мы придемъ къ понятію о преданіи индивидуальномъ, т. е. къ либеральному протестантизму. Я опасуюсь этого толкованія и думаю, что это придумывается для объясненія многихъ установленій православной церкви, неполнѣ согласныхъ съ первобытными преданіями: работа, стоящая обширныхъ изслѣдованій и крайне нужная. Мнѣ неизвѣстна подобная работа, и я не нашелъ ея въ чтеніяхъ о Иванцова-Платонова, обращающихъ особенное вниманіе (и довольно безпристрастно) на развитіе папской власти и упадокъ патріархатовъ на Востокѣ.

Сергіевскій говоритъ хорошо, въ немъ мало поповскаго; но щегольство рясы и рукавичковъ, прямолинейная походка и неискренняя строгость выраженія глазъ внушаютъ какое-то предубѣжденіе и отдаляютъ отъ убѣжденія или сердечнаго довѣрія.

Иереміады Каткова и Погодина, принимаемыя всѣми на слово, увѣряютъ всѣхъ и cadaго, что уровень нашего средняго и высшаго образованія значительно понизился и что явленіе солиднаго, ученаго труда дѣлается рѣдкимъ исключеніемъ. Министръ Головинъ думаетъ иначе. Въ книгѣ его пріятели Н. Ханыкова, составленной по офици-

альнымъ матеріаламъ и изданной въ Парижѣ: „*Études sur l'instruction publique en Russie*“, Головнинъ точно повторяетъ: „*les grades de l'étudiant effectif et de candidat étaient facilement obtenus en 1860 et 1861 par des jeunes gens, qui auraient certainement échoué devant les examinateurs des années 1840 (годъ окончанія курса Головниннымъ) et suivantes*“. Sic! Но вотъ совершена реформа, и новый уставъ университетскій утвержденъ. На другой же годъ Ханыковъ-Головнинъ пишетъ: Il serait téméraire de vouloir apprécier toute l'influence que cette nouvelle législation est appelée à exercer sur les universités russes (погодите!); mais on serait injuste envers ce règlement, si l'on ne signalait quelques-uns des effets salutaires qu'il a déjà produits (déjà?) *Ainsi, sans aucun doute, le moral des universités a été favorablement réformé (déjà?) par la nouvelle loi; les règles de discipline (ils appellent cela discipline!) établies par les conseils universitaires ont partout été acceptées sans opposition par les étudiants (экая милость!) et partout elles sont rigoureusement exécutées, sans provoquer ni murmures, ni plaintes (экая милость!) Les désordres, si fréquents dans les universités, il y a peu d'années, ont complètement disparus. (Этого мало, погодите). Mais le résultat le plus satisfaisant de la nouvelle réforme est que, sous ses auspices, les étudiants déploient infiniment plus de zèle pour les études, que par le passé (И этого мало!). Ils visitent assidûment, dans leurs moments de loisir, les bibliothèques, les laboratoires et les cliniques, et ce retour vers les occupations sérieuses, joint au calme de leur existence, permet de croire que les désordres и пр. и пр. Ожидайте!*

Погодинъ и Катковъ говорили изъ мщенія.

Но вотъ профессоръ Тихонравовъ разбираетъ „Историческіе очерки средневѣковой драмы“ магистра Петра Полеваго, написанные для полученія степени доктора Русской словесности и, посмѣявшись надъ заносчивостію и невѣжествомъ школьника, на 10 страницахъ заключаетъ такъ: „Но довольно. Мы не имѣли въ виду писать разборъ книги г. Полеваго (она того не стѣдитъ); мы хотѣли только заявить въ Русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальномъ и обратномъ направленіи нашего школьнаго образованія. Не странно-ли, что одинъ изъ Русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человѣка, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латини? Не возмутительно-ли видѣть, какъ невѣжество и самозванство съ свойственными имъ нахальными ухватками судить вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно-ли думать,

что человекъ, снискавшій себѣ дипломъ беззащѣтнѣйшимъ обращеніемъ съ наукою, будетъ учить съ кафедръ молодое поколѣніе тому, что Гербертъ жилъ въ XIII вѣкѣ и что quī средняго рода, а quod—мужескаго“ („Русск. Вѣстн.“ № 1 за 1866 г.). Вотъ они, новѣйшіе успѣхи новѣйшихъ порядковъ.

Но не должно односторонне увлекаться порицаніями, всегда легкими во времена реформъ, особенно реформъ столь коренныхъ и рѣзкихъ какъ наши. Не подлежитъ сомнѣнію, что ученое и учебное развитіе ослабли и измѣнили методъ и направленіе, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что дѣльность и истинность жизни и ея стремленій проявляются ощутительнѣе, и настоящія нужды выясняются вѣрнѣе.

Оказывается, что удавившійся казначей митрополита дѣйствительно могъ посягнуть на жизнь свою изъ опасенія отвѣтственности за деньги, которыхъ послѣ него не досчитывается болѣе или около 500 р. Митрополитъ, узнавъ о самоубійствѣ, тотъ же часъ написалъ къ генералъ-губернатору, прося его распорядиться, чтобы полиція не вмѣшивалась въ это дѣло. Кн. Долгорукій исполнилъ это желаніе, и іеромонахъ похороненъ безъ огласки. Но хорошо-ли дѣлаетъ старикъ Филаретъ, прибѣгая, въ настоящее время, къ такимъ исключеніямъ и привилегіямъ? Въ такое болтливое время надобно дѣйствовать не только осторожно, но и открыто. Молодая гласность не только болтлива (мнимое сознаніе своего мнимаго достоинства нѣсколько сдерживаетъ языкъ) сколько дерзка, любопытна и подозрительна. Она ищетъ скандала и удовлетворяется формальностію, лишь бы оправдаться передъ формальнымъ правомъ и положить печать обличенія.

Вотъ послѣдовали и частію обнародованы назначенія на новыя судейскія мѣста. Они сдѣланы дѣльно и удачно; могли быть дѣльнѣе и удачнѣе, но трудно добраться до точныхъ основаній, по которымъ выборъ остановился именно на назначенныхъ. Почему попали въ кассационный департаментъ Войцеховичъ, пользующійся самою невыгодною репутациею и пріязнію только министра Замятнина; Арцимовичъ, называемый завзятый Полякъ и никогда спеціально не занимавшійся юстиціею; Набоковъ, младшій сенаторъ и мало занимавшійся судебными дѣлами. Если Полъновъ и Гольтгоеръ назначены старшими предсѣдателями какъ самые младшіе сенаторы, то можно бы было сдѣлать исключеніе во вниманіе къ глухотѣ послѣдняго. Особенно непонятно для меня назначенія Г. Н. Мотовилова предсѣдателемъ Окружнаго Суда въ Петербургѣ. Это самое важное мѣсто въ судебной организаціи, особенно въ Петербургѣ. Мотовиловъ человекъ прекрасный и вельпалату хорошо, но для довѣрія публики, по важности мѣста, необхо-

димо, чтобы постъ этотъ занималъ человѣкъ почтенный, опытный и сдѣлавшій себѣ имя въ средѣ судебной. Войцеховичъ назначенъ Замятиннымъ какъ сенаторъ, особенно занимавшійся разборомъ проекта уставовъ. Арцимовичъ и Набоковъ назначены великимъ княземъ Константиномъ, а о Мотовиловѣ будто бы просилъ князь Суворовъ. Впрочемъ на всѣхъ не угодишь, и отступленія, допущенныя при нынѣшнихъ назначеніяхъ, еще примиримы съ хорошимъ началомъ.

Борьба демократіи вступаетъ въ новую стадію. Не говоря о неизбежномъ столкновеніи Соединенныхъ Штатовъ съ Европейскимъ монархизмомъ въ Мексикѣ, не говоря ни о Шведской конституціи, измѣнившей свой сословный характеръ, ни о предположеніяхъ реформы въ Англійскомъ представительствѣ, ни о борьбѣ Пруссаго юнкерства съ Шлезвигъ-голштинскимъ гражданствомъ, я очень опасаюсь борьбы социальной въ самой Франціи и открытой кампаніи гр. Бисмарка съ депутатами Пруссіи. Палата неправа въ одномъ: она не имѣла права отмѣнять или уничтожать (неправильное, да) постановленіе верховнаго суда, но за то гр. Бисмаркъ виноватъ кругомъ. Безцеремонность, заносчивость, дерзость его перешли всѣ границы, и управленіе четыре года безъ бюджета можетъ отозваться самымъ невыгоднымъ образомъ на королевской власти и на династіи. Палаты закрыты, и въ рѣчи правительства опять слышенъ обвинительный актъ противъ палаты, затрагивающій самые важные и деликатные интересы государства. Теперь депутатамъ остается, какъ и королю, обнародовать деклараціи для оправданія себя во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Иначе конституціонная жизнь и конституція въ Пруссіи будутъ считаться химерами, никогда не выработаются и приведутъ общее мнѣніе къ убѣжденію, уже распространенному между учеными и адвокатами...

Закрытіе Прусскихъ палатъ, революція въ Дунайскихъ княжествахъ и у насъ заемъ 100 мил. съ выигрышами, въ Австріи и вездѣ замѣшательства и запутанность ужъ не приготовляютъ-ли новаго 1848 г.? А срокъ 18 лѣтній насталь, и многія дѣла созрѣли. Я говорилъ о Прусскомъ столкновеніи. Рѣчь Гнейста чрезвычайно сильно и рѣзко обвиняетъ Бисмарка въ произволѣ, котораго центральный источникъ система Наполеона III. Низложеніе кн. Іоанна Кузы можетъ произвести важныя столкновенія, если вмѣшаются великія державы. Турція должна настоять на автономіи княжествъ, хотя бы раздѣленныхъ между собою, и не допускать сношеній съ южными Славянами. Дунайскіе народы готовы соединиться вмѣстѣ, хоть бы подъ скипетромъ принца Наполеона, и основать сильную имперію или федерацію съ Венгріей во главѣ. Заемъ нашъ очевидно военный, на случай всякихъ случайностей. Желательно бы было заявить при этомъ недовѣріе правительству и не поку-

пять билетовъ, не подписываться на свидѣтельства. Такъ думаетъ довольно значительная партія въ Москвѣ, и самый постепенный выпускъ билетовъ, по приблизительно биржевой цѣнѣ, можетъ служить поводомъ къ возвышенію билетовъ 1864 г. и къ неудачѣ новаго займа.

Въ Прусской палатѣ и въ Ясской интригѣ обвиняють Наполеона. Странное положеніе этого современнаго гиганта въ вѣкъ массъ и пигмеевъ. Онъ вездѣ вмѣшивается и вездѣ оставляетъ за собою замѣшательства. Въ Турціи, со времени Крымской войны, восточные христіане въ худшемъ, безвыходномъ положеніи; въ Италіи папство ничего, по *possumus*, а Австрія съ сосѣдкой въ непримиримыхъ отношеніяхъ; внутри Франціи униженіе характера и уровня просвѣщенія и народной рѣчи возмутительны. Заносчивость завела его въ Мексику, и онъ и Максимилианъ рѣшительно не знаютъ что дѣлать. Запустилъ онъ руку въ Дунайскія княжества, и тамъ бунтъ; заступаетъ онъ за Эльбскія герцогства, и тамъ распри. Ненависть Русскихъ къ нему понятна, но его ненавидятъ еще сильнѣе Нѣмцы; его ненавидятъ и Итальянцы, упрекающіе своихъ министровъ въ излишней уступчивости Франціи. Его огромное число ненавидитъ и въ самой Франціи, и на его низложеніе направлены взоры всѣхъ людей въ Европѣ, которые думаютъ о нормальномъ порядкѣ въ развитіи Европейской цивилизаци. Если онъ вотрется на Дунай и на Эльбу, онъ непременно напутаетъ. Корысть національная, корысть династическая и личная ослѣпляютъ и путаютъ его.

Пріѣздъ товарища министра и главнаго дѣятеля въ министерствѣ Стояновскаго нисколько не прояснилъ дѣла о назначеніяхъ на новыя судебныя мѣста. Все покрыто туманомъ, и все долго еще будетъ дѣломъ произвола и кумовства. Министерству слѣдовало предначертать точныя объ этомъ правила и обнародовать ихъ, чтобы устранить сомнѣнія и безпокойства въ лицахъ заинтересованныхъ, имѣть самому основу дѣйствій и избавить личность Государя отъ всякихъ нарѣканій. Министерство не совсѣмъ постигаетъ важность окружныхъ судовъ и помышляетъ болѣе объ окладахъ, напихивая въ Сенатъ и палаты своихъ протежѣ и пріятелей. Окружный судъ есть важнѣйшая инстанція и потому должна быть обставлена такъ, чтобы правительство, общество и присяжные и повѣренные смотрѣли на него съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, съ полнымъ довѣріемъ не потому, что это судъ, а потому, что это почтенный и вполне вѣрный судъ, имѣющій свой авторитетъ опыта, знанія и положенія. Отвѣчаютъ-ли этимъ требованіямъ личности Полѣнова, Гольтгоера, Мотовилова и Люминарскаго? Сомнѣваюсь. Они имѣютъ видъ старѣющихъ холостяковъ, которые любятъ независимость и свободу и которымъ дѣйствительная жизнь

извѣстна только изъ дѣлъ. Если они не будутъ школьничать, то во всякомъ случаѣ авторитетъ ихъ не имѣетъ никакой опоры ни въ наукѣ, ни въ достоинствѣ положенія и серьезности жизни. Умѣютъ-ли наши предсѣдатели сидѣть и говорить? Сомнѣваюсь.

Изложеніе Молдо-валахскаго правителя, князя Іоанна Александра Кузы, произвело въ Москвѣ общій говоръ о войнѣ, особенно когда въ это же время объявленъ совсѣмъ неожиданный заемъ (второй) съ выигрышами. Я не вижу настоящей причины войны и не думаю, чтобы какое государство имѣло достаточные для того способы. Развѣ Франція, чтобы заглушить оппозицію и отвлечь вниманіе отъ Мексики; развѣ Пруссія, чтобы выйти изъ открытой войны съ представительствомъ? Военные расходы будутъ, но войны не будетъ. Куза просто обокралъ казну и уѣхалъ, чтобы соединиться съ своею любовницею, кн. Марьей Обреновичъ въ роскошномъ Парижѣ и жить припѣваючи. Никакой принцъ не подается на избраніе, и изберутъ туземца. Но княжества могутъ стянуть къ себѣ всѣ христіанскія населенія Турціи и грянуть на султана, отложиться отъ него и образовать если не великое государство, то федерацію. Думаю, что для послѣдней нѣтъ въ мѣстностяхъ достаточной зрѣлости, а для первой нѣтъ героя. Россія, по доктринѣ кн. Горчакова, будетъ держаться Парижскаго трактата. Англія тоже. Но если теперь дѣло не разрѣшится войною, война все-таки будетъ. Броженіе вездѣ, и начало національности и народныхъ вольностей требуетъ измѣненія карты Европы. Оно совершается, и можетъ быть путемъ задуманнаго конгресса, и совершится насильственно. Всемирный бунтовщикъ, олицетвореніе революціи, Наполеонъ приглаждается и придумываетъ своекорыстныя комбинаціи. Жаль, если онъ впутаетъ тутъ Польшу. Вопросъ этотъ рѣшенъ. Границы 1772 г. не находимы, онѣ затерялись. Бытіе Польши между Россіей и Германіей немислимо. Основаніе Восточной Имперіи—единственная состоятельная мысль и, кажется, событія склоняются къ ея осуществленію.

Въ короткое время, по особеннымъ обстоятельствамъ (я имѣлъ случай сдѣлать какое-то одолженіе въ 1852 г.) я очень сошелся съ генераломъ Гильденштубе, начальникомъ Московскаго военнаго округа. Онъ человѣкъ лѣтъ 64, просвѣщенный и отлично симпатичный. Мы многократно сходились и толковали о современныхъ дѣлахъ и вопросахъ, которымъ онъ сочувствуетъ болѣе нежели можно бы было ожидать по его возрасту и положенію. Здѣсь конечно есть своя доля и политики придворнаго человѣка. Онъ совершенно одобряетъ наши военныя реформы и даже отмѣну тѣлесныхъ наказаній, возбудившую (я помню) такіе крики въ Петербургѣ. Онъ особенно хвалитъ учреж-

деніе округовъ и предсказываетъ имъ блестящее приложеніе, преимущественно въ военное время или при внутреннихъ замѣшательствахъ. Онъ ожидаетъ значительнаго сокращенія въ военномъ бюджетѣ, особенно при увѣренности въ сохраненіи мира, за которое ручается пока одно только разстройство финансовъ, но которому угрожаютъ всѣ симптомы возвратной, періодической горячки. Программа 1789, уменьшенная трактатами 1815, возобновляется почти ровно черезъ 15—20 лѣтъ. Отъ усиленной реакціи Меттерниховой системы она прорвалась въ 1830 г. и потомъ черезъ 17 лѣтъ въ 1848. Теперь прошло цѣлыхъ 18 лѣтъ, и матеріалы для взрыва накопились огромные. Гилденштубе этого не допускаетъ. Беспорядки 1848 и 1849 г.г. повсюду убѣдили благомыслящихъ людей въ необходимости сильной и крѣпкой власти. Да, благомыслящихъ; но не объ нихъ рѣчь, не отъ нихъ исходятъ бури. Естественныя связи народовъ требуютъ преимущественнаго вліянія предъ случайными и искусственными, рациональныя соединенія берутъ верхъ надъ историческими.

Большіе толки возбудилъ указъ Сената о *несовершеннолѣтнемъ* Рязанскомъ исправникѣ Левашевѣ, который, пьяный молодой человекъ, 20 лѣтъ, производя розыски о бѣжавшихъ арестантахъ, позволялъ себѣ разные незаконные, неистовые поступки и жестокости. Преданный суду, онъ присужденъ къ домашнему аресту на 1½ недѣли, и приговоръ палаты утвержденъ губернаторомъ. По донесенію прокурора Ланге министру юстиціи, дѣло пересматривалось въ Сенатѣ и, по предложенію министра, Сенатъ нашель, что Левашева слѣдовало отдать въ солдаты безъ лишенія правъ состоянія; но такъ какъ приговоръ вошелъ въ законную силу и усилить наказаніе нельзя, то Сенатъ оставилъ рѣшеніе въ своей силѣ, прибавя, въ административномъ порядкѣ, чтобы Левашева ни въ какую службу не принимать, ни въ государственную, ни въ общественную, ни къ выборамъ не допускать ни въ городахъ, ни въ земствѣ. Крики противъ назначенія въ исправники пьянаго мальчишки и противъ жестокосердія этого пьянаго юноши весьма основательны и законны. Газеты вѣроятно разработаютъ эту тему съ большою охотою и хорошо сдѣлаютъ. Рязанцы покричатъ о нелюбимомъ губернаторѣ (Стремоуховѣ), который насолил имъ на выборахъ. Все это въ порядкѣ вещей. Но почему же не обратятъ вниманія и на юридическую сторону указа Сената? Сенатъ *усугубляетъ* наказаніе, да такъ, что *лишаетъ* правъ (и самаго существеннаго) состоянія, и все это административнымъ порядкомъ. Самые пылкіе говоруны должны были согласиться съ моимъ замѣчаніемъ, и Левашевъ показалъ бы себя глупцомъ, если бы не потребовалъ законнаго наказанія безъ лишенія правъ.

Въ моихъ глазахъ это важно уже и потому, чтобы дать урокъ о законности и формальности Сенату и министру. Левашевъ просилъ, и Государь дозволилъ ему вступить въ военную службу. Онъ дѣйствительный студентъ Московскаго университета.

Съ 1855 г. у насъ началось исканіе и броженіе людей и именъ. Хоронили Грановскаго, хоронили Мартынова, величали Бѣлинскаго. Все какъ-то не впопадъ. Теперь, кажется, Петербургъ нашелъ національнаго человѣка: это—князь Григ. Алексѣевичъ Щербатовъ, бывший попечитель университета и губернской предводитель въ Петербургѣ. Онъ настоящій герой нашихъ дней и минутъ. На дворянскихъ выборахъ, отказываясь отъ предводительства, сдѣлавшагося бесплоднымъ или незначительнымъ въ смыслѣ служенія обществу, кн. Щербатовъ, въ блестящей рѣчи, предложилъ дворянству (новая фаза Московской мысли) ходатайствовать, чтобы право представленія о своихъ нуждахъ съ назначеніемъ особыхъ депутацій, принадлежащее дворянскому словію, было перенесено на земство. Это довольно рационально и встрѣтило большое сочувствіе за исключеніемъ небольшой оппозиціи стариковъ генераль-адъютантовъ и бюрократовъ, постепенно смолкавшей посреди почти общей аккламаціи. Но предложеніе это обставлено было такими обязательными требованіями, которыя изъ ходатайства дѣлали обязательное участіе земства въ Государственномъ Совѣтѣ. Правительство отказало, и князь Суворовъ, столь лично преданный Государю, выдалъ его, сообщивъ высочайшій отказъ и заключивъ въ свои объятія кн. Щербатова. Предводителемъ выбранъ и утвержденъ Московскій крамольникъ и ораторъ гр. Орловъ-Давыдовъ. Новое торжество! Щербатова засыпали письмами, портретами, стипендіатами и клубными выборами. Ему давали обѣдъ, на который пригласили его сына, и безконечные и многіе спичи прославляли его „гражданское мужество“. Все это продолженіе крамолы и фронтёрства; но все это и положеніе, принятое безценсурною печатью, доказываетъ такое шаткое состояніе правительства, что вовсе не удивляешься повсемѣстному разстройству дѣлъ, независимо отъ быстрыхъ, незрѣлыхъ, непрестанныхъ реформъ, трудно усвояемыхъ дѣйствительностію. Фронтёрство продолжалъ и новый предводитель на обѣдъ, данномъ имъ Остзейскому дворянству въ Петербургѣ. Гр. Орловъ-Давыдовъ, провозглашая въ честь ихъ тостъ, поздравилъ ихъ съ побѣдою надъ правительствомъ. Грустное явленіе: и эта побѣда, и это поздравленіе. Если эта побѣда оскорбляетъ національное Русское достоинство, то и провозглашеніе этой побѣды Русскимъ аристократомъ, сдаваясь мщеніемъ и злорадностію, обличаетъ большую слабость правительственнаго авторитета, какъ бы отказывающагося отъ подобающаго и необходимаго его значенія.

Читалъ я „La Révolution“ Едгарда Кине. Замѣчательная книга. Прежде всего это памфлетъ, но серьезный, ученый и весьма сдержанный. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются намеки и указаія на I и III Наполеоновъ. Потомъ, это сочиненіе демократа и протестанта, для котораго форма правленія и религіи имѣютъ едва-едва второстепенное значеніе. Въ третьихъ, это систематикъ, который любитъ прибирать и гнуть событія, любитъ вертѣть ими, забѣгать и удаляться, какъ нужно для предвзятой цѣли. Прибавьте ко всему этому умъ зрѣлый, ученость и превосходный языкъ, прибавьте горечь изгнанника и слабую надежду старѣющаго республиканца, и литературное значеніе книги будетъ окончательно очерчено и оцѣнено. Значеніе книги Кине, какъ исторіи, должно вызвать много споровъ. Онъ прежде всего памфлетистъ, ему нужно уязвить Наполеона III, и аллюзіи у него безпрестанно, нерѣдки пропуски и недомолвки и часто парадоксы. Огромный парадоксъ его, на которомъ построено почти все зданіе, это то, что революція не нашла никакого историческаго элемента, на который можно бы было опереться, кромѣ рабства, и исторіи до 1789 г. какъ бы не было. Какъ? А королевская власть? А духовенство Галликанское? А парламенты, которые постоянно стремились установить судебную монархію? Второй капитальный парадоксъ—отсутствіе коноводовъ. Онъ и терроръ приписываетъ „неизвѣстнымъ“, хотя признаетъ, что онъ былъ началомъ партіи, а не послѣдствіемъ необходимости. Пожалуй, но партія приняла это начало по необходимости, по убѣжденію въ ея необходимости.

Меня ни сколько не удивляетъ, что губернаторъ кн. Оболенскій, съ своими гостями, принялъ роскошный обѣдъ въ Коломнѣ и пилъ безчисленное множество тостовъ, а потомъ сытая и веселая компанія отправилась въ женскую гимназію, гдѣ молодыя ученицы, одѣтыя въ характеристическіе костюмы, угощали высокихъ гостей характерными танцами; что въ Петербургѣ, въ клубѣ поощренія труда, дѣвочка 10 лѣтъ Петрова процѣла предъ публикою скандалѣзную пѣсню Беранже „барышня“, ударяя особенно на тѣ слова, которыя имѣли двусмысленное и прямо ясное значеніе; что оберъ-церемоніймейстеръ Двора Е. В. Захаръ Хитрово пойманъ на воровствѣ, въ Ниццѣ: на то вѣкъ свободы и льготъ, время распущенности и переходнаго свойства. Меня удивляетъ явное обвиненіе правительства въ умысленныхъ политическихъ противъ Россіи преступленіяхъ. Это бывало не рѣдко и печаталось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Сегодня довелось мнѣ выслушать подобное обвиненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ губернскомъ земскомъ собраніи, и надобно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ слушали это обвиненіе, хотя было условлено съ Долгорукимъ, что въ рѣчахъ

не будетъ ничего рѣзкаго. Правда, это была не рѣчь, а докладъ. Онъ конечно будетъ напечатанъ. Нѣтъ, меня удивляетъ не это: лѣнивый теперь не лягается. Меня удивляетъ, что все это не только остается безъ изслѣдованія и наказанія, но и безъ отвѣта. „Ругайтесь, слушаю и слышу. Я виноватъ“. Да, но какое же впечатлѣніе остается въ народѣ? „Никакого?“ Сомнѣваюсь.

А годъ 1863-й въ самомъ дѣлѣ былъ страшнымъ годомъ для Россіи и, перенеся его, Россія окончательно доказала свою состоятельность, свою окрѣпость и свое могущество. Это былъ годъ завершенія воли крѣпостныхъ людей, годъ почти повсюду обнаружившихся разочарованій реформами, годъ дешевки и ослабленія наказаній. На все это рассчитывала центральная демагогія, которую надобно предполагать едва-ли не въ кабинетѣ его Французскаго величества. Говорю въ „кабинетѣ“, потому что нельзя же приписать пропагандистамъ и Польскому комитету тотъ дипломатическій походъ, которымъ открыли нападеніе на Россію почти всѣ кабинеты Европейскіе, и нельзя отрицать, что въ связи съ этимъ походомъ были открытое возстаніе въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ и попытки на возмущеніе въ губерніяхъ восточныхъ. Связь, солидарность тутъ очевидны.

Я теперь занятъ разработкою весьма важнаго дѣла о Казанскихъ студентахъ, вовлеченныхъ офицерами генеральнаго штаба Иваницкимъ, Мрочекомъ и Чернякомъ въ заговоръ о возмущеніи крестьянъ. Отъ 15 лѣтняго Карпова до 26 л. Орлова человекъ 18 поддались на Польскія хитрости и должны отвѣчать своими (почти своими) головами. Они вѣрили совершенно несбыточнымъ планамъ взятія Казани и Ижевскаго завода. Несмотря на то, бунтовщики располагали нѣсколькими сотнями рублей и десяткомъ револьверовъ. Они согласились разбрасывать самыя возмутительныя воззванія и нелѣпыя манифесты, не понимая, что Полякамъ нуженъ не переворотъ для блага Русскаго народа, о которомъ мечтали и писали Казанскіе безбородые реформаторы, а просто бунтъ, замѣшательства въ простомъ народѣ, дабы внутренними беспорядками затруднить правительство и отвлечь военныя силы его съ Запада къ Востоку. Больно и грустно карать такую молодежь, такое неразуміе и даже глупость. Мысль о возмущеніи могла родиться у Иваницкаго, который съ своею ротою стоялъ въ Спасскомъ уѣздѣ, гдѣ бунтовали крестьяне и была извѣстная экзекуція въ имѣніи Мусина-Пушкина, селѣ Безднѣ. Онъ согласился съ Чернякомъ и Мрочекомъ и вовлекъ въ свой планъ студентовъ. Можно полагать, что съ студентами онъ сошелся въ домѣ вдовы Миттерманъ, Польки (она была у меня два

раза), сынъ которой Рудольфъ служилъ между ними посредникомъ. Семейство Миттерманъ считалось горячо преданнымъ Польскому дѣлу.

Нельзя читать безъ искреннаго участія показанія молодыхъ людей, не умѣющихъ вывертываться, благородно сознаваясь въ преступномъ увлеченіи и объясняя его теоретическими доводами. Особенно хорошо признаніе Лаврскаго, объяснившаго, какъ естественно было попасть имъ въ водоворотъ и какъ трудно было изъ него выйти. Мы рѣшили дѣло по 284 ст. Уложения и ходатайствуемъ о двухъ несовершеннолѣтнихъ. Главные виновники уже разстрѣляны. Бунтъ могъ принять весьма широкіе размѣры и имѣть страшныя послѣдствія. По плану Жерома Кеневича, эмисары должны были ѣхать изъ Москвы по разнымъ направленіямъ и разбрасывать ложные манифесты и воззванія, а между тѣмъ Чернякъ въ Казани долженъ былъ организовать вооруженное возстаніе и взбунтовать Вятское, Пермское и Оренбургское населенія, особенно временно-обязанныхъ и заводскихъ крестьянъ. Студентъ Глассонъ (вѣроятно Жидъ) предательски выманилъ письмо отъ Иваницкаго къ Черняку и донесъ начальству. Ни бунта, ни возстанія не было. Иваницкій схваченъ, телеграфъ сталъ работать, и пошли аресты и комисіи. Глассонъ умеръ. Я думаю обратить вниманіе министровъ цензуры и просвѣщенія на гибельное вліяніе университетской распущенности и свободы обращенія подпольной литературы и доктринъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и др. „Колоколъ“, Герценъ, „Современникъ“, Чернышевскій, Щаповъ, Великороссъ, „Земля и Воля“ и пр., запрудившіе провинціи изъ Петербурга и Москвы, повторяются безпрестанно.

Много шума дѣлаеть статья Мазада въ *Revue des deux Mondes* (15 Марта) о Россіи за послѣдніе три года Польскаго возстанія и Польскихъ реформъ. Она и стѣбитъ этого шума. Она направлена противъ къ называемой старой Русской партіи, органомъ которой служатъ „Московскія Вѣдомости“ и особенно направлена противъ Мишель Никифоровича Каткова. Очевидно писалъ ее Русскій; весь матеріалъ, съ сплетнями и эпиграммами, сообщенъ изъ Россіи и, можетъ быть, не изъ однихъ рукъ. Но она правдива и справедлива съ точки зрѣнія Француза и вообще Европейца. Дѣйствительно, мы обращаемся съ правами и съ собственностію безцеремонно, скоренько и не поримски. Національный элементъ напираетъ немножко нагло. Нововведенія и реформы, растущія какъ грибы, кружатъ головы и подмываютъ всякіе авторитеты и всякую увѣренность въ прочность и въ порядокъ. Но Европейецъ насъ судить по своему, а мы Европейцы несомнѣемъ.

Мы Европейцы восточные, т. е. Западные Азіатцы, у которыхъ общинное владѣніе есть исконное, коренное и почти повсемѣстное на-

чало и у которыхъ вѣра, т. е. церковь, подчинена общей власти. Поэтому-то, и по климату, и по бѣдности нашей, Европейскіе порядки прививаются и примѣняются къ намъ туго и, какъ всякое заимствованіе, извращаются въ одинъ формализмъ, неудовлетворяющій настоящимъ требованіямъ. И Каткову, и Милютину, и самому Государю статья Мазада должна очень не нравиться, и я понимаю, что она строго вырѣзывается. Едва-ли понравится она и Константину, хотя Мазадъ очень отдѣлывается Московскаго публициста. Жажущихъ читать эту статью въ Москвѣ много множество.

А вотъ и pendant къ статьѣ Мазада. Въ 61 № „Московск. Вѣдом.“ Катковъ приравниваетъ немножко покровительствуемыя въ правительственныхъ сферахъ направленія съ тѣми, которыя проповѣдуютъ враги Россіи. Онъ говоритъ о государственномъ единствѣ, какъ о новомъ догматѣ, вѣроятно имъ открытомъ. Министръ вн. дѣлъ 26 Марта сдѣлалъ первое предостереженіе. Оно напечатано въ Сѣверной Почтѣ и во всѣхъ газетахъ. Въ сегодняшнемъ (3 Апрѣля) № „Москов. Вѣдом.“ Катковъ объявляетъ, что онъ не принимаетъ и не напечатаетъ этого предостереженія, а будетъ платить 25 р. за каждый листъ три мѣсяца и потомъ прекратитъ свою дѣятельность. Онъ указываетъ на фактъ: памфлетъ Шедо-феротти, покровительствуемый Головиннымъ и Валуевымъ. Статья написана смѣло, самоувѣренно и способна вызвать новое предостереженіе. Это въ свою очередь знаменательный фактъ фронтѣрства и крамолы. Катковъ чувствуетъ не свою силу, а слабость Петербургскихъ администрацій, слабость отъ тѣсныхъ видовъ своекорыстія и взаимнаго ихъ разъединенія. Престранное явленіе! Журналистъ обвиняетъ министровъ, министры его караютъ; онъ повторяетъ обвинения (едва-ли не въ десятый разъ) и журналистъ на мѣстѣ и министры—тоже. Это новый шагъ анархіи, пробивающейся на улицу, на площадь. Я увѣренъ, что выходка Каткова будетъ принята въ Москвѣ съ большимъ сочувствіемъ. Ловкій Валуевъ истощитъ его штрафами и подведетъ ко второму предостереженію. Достаточно-ли сильна журналистика, чтобы удержать за собою поле битвы? Нѣтъ, но администрація и власть достаточно непослѣдовательны. Я буду слѣдить за этимъ дѣломъ.

Московское общество, за немногими исключеніями, все за Каткова. Онъ жертва, онъ герой. Думаютъ подпискою покрыть платимые имъ штрафы. Мои сенаторы готовы разразиться на меня, не раздѣляющаго ихъ увлеченій. 4 Апрѣля измѣняетъ дѣло. Гагемейстеръ увѣдомляетъ меня, что въ Петербургѣ всѣ за Каткова и всѣ ропщутъ на главнаго начальника Щербинина, согласившагося съ (молодымъ) членомъ Совѣта на сдѣланіе Каткову предупрежденія, которое Валуевъ сдѣлалъ, сведя

счета за прошедшее и чтобы начать когда нибудь и положить конецъ извѣтамъ и подозрѣніямъ.

И. И. Казначеевъ привезъ извѣстіе, что Государь взялъ къ себѣ бумаги и хотѣлъ самъ рассмотреть. Катковъ торжествуетъ. Нѣсколько сотъ студентовъ пропѣли передъ его квартирой „Боже, царя храни“. Они благодарили его за то (сказывалъ мнѣ Шиповъ), что онъ научилъ ихъ любить царя и Россію. Вся эта студентская процессія есть манифестація, устроенная друзьями Каткова. Настоятель Лавры Антоній рассказывалъ, что Государь отзывался, съ какимъ удовольствіемъ читаетъ онъ прекрасныя статьи Каткова о Московскихъ народныхъ манифестаціяхъ. Дѣло разрѣшилось отъ бремени довольно глупо: въ № 14 Апрельской „Сѣверной Почты“, министръ заявляетъ, что въ настоящее время онъ *не желаетъ* принимать мѣры взысканія. Желаетъ—не желаетъ! Чтò такое?

Какое смятеніе во всемъ городѣ! Вчерась, при выходѣ изъ Лѣтняго сада, въ Государя сдѣланъ выстрѣлъ. Мы молились въ Чудовомъ монастырѣ, молились на площади Кремля. Преступленіе страшное! Въ телеграммѣ выражено подозрѣніе о переодѣтомъ эмиссарѣ. Всѣ озабочены мыслию: Полякъ или Русскій? Самое сомнѣніе это знаменательное: это можетъ быть и Русскій. Оно дѣйствительно заставляетъ призадуматься. Нечего и говорить, что Москва обвиняетъ великаго князя Константина. Нечего предполагать здѣсь личное мщеніе. И при личной жертвѣ здѣсь непременно дѣйствуетъ партія. Какая партія? Нигдѣ нѣтъ такого раздраженія какъ въ партіи дворянской. Она въ газетѣ „Вѣсть“ даже подаетъ руку помощи Польскимъ землевладѣльцамъ. Но эта партія никогда не пойдетъ на такое гнусное дѣло; она же видитъ врага не въ царѣ, а въ братѣ его. Всего ближе здѣсь предполагать отчаяніе Поляковъ или фанатизмъ революціонеровъ, тѣхъ красныхъ революціонеровъ, для которыхъ нужны кровь, пожары и смерть. Тутъ только можно достаточно оцѣнить необходимость и важность крѣпкаго правительства, безъ котораго удержаніе порядка рѣшительно невозможно и безъ котораго анархія приметъ безграничныя размѣры. Задайся народъ мыслию, что это дѣло партіи помѣщиковъ, мстящей за незапное обѣдненіе отъ освобожденія крѣпостныхъ, и могутъ быть страшныя послѣдствія. Въ Москвѣ, во всѣхъ корпораціяхъ, горячка адресовъ. Въ церквахъ, въ клубахъ, въ театрахъ живѣйшая манифестація. Мы, сенаторы, думаемъ послать адресъ. Что-то выяснится?

Въ сегодняшнемъ № „Сѣв. Почты“ рассказаны злодѣйство и чудодѣйственный подвигъ Буйскаго крестьянина Осипа Иванова Коммисарова, но о личности объяснено (опять сомнѣніе): говорить по-русски совер-

шенно чисто. Русскій? Можетъ быть, но по подкупу, по наущенію вожаковъ.

Все извѣстно. И подробности сообщаемыя не говорятъ ничего опредѣлительнаго. Онъ называется различными именами. Сообщниковъ было трое; схвачено двое. Это можетъ облегчить раскрытіе темнаго дѣла, котораго не прояснили и страшные пожары. Онъ назвался „Русскимъ“, обращаясь къ толпѣ, сказалъ Государю: „Вы обманули народъ, обѣщавъ дать землю и волю“. Онъ сказалъ: „это я за васъ“. Толпа вцѣпилась въ него. „Царь обманулъ народъ“ стоитъ въ прокламаціяхъ Казанскихъ. Тамъ также рассчитываютъ на сочувствіе толпы. Слова эти приписываются революціонному обществу въ Петербургѣ „Земля и Воля“, къ которому присоединилось и другое „Великороссъ“. Если это и Русскій, то—орудіе Поляковъ. Слухи ходятъ, что фамилія его *Мадзиевскій*. Другіе говорятъ—*Геллертъ*, Польскій Нѣмецъ. А въ театрѣ достается Полякамъ. „Жизнь за царя“ Глинки совершенно искажается. Итакъ цареубійца не Русскій, онъ Полякъ Ольшевскій. У всѣхъ сердце отлегло. Теперь надобно отыскать нить и развернуть этотъ страшный (клубокъ), который катается по Россіи и котораго всѣ чувствуютъ и никто не видитъ. Слѣдственные комиссіи у насъ плохи, а потомъ, можетъ быть, и распорядители живутъ высоко. Но странно: о второмъ схваченномъ никто не говоритъ ни слова. Впрочемъ излишняя гласность можетъ повредить розыскамъ. Подождемъ еще.

Нѣтъ, не Ольшевскій. Онъ не сознается. Второй схваченный оказался какой-то больной чиновникъ, вовсе къ дѣлу непричастный*). Назначена слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Муравьева. Шефъ жандармовъ смѣненъ, назначенъ графъ П. А. Шуваловъ. Стало быть, князь Вас. Долгорукій виноватъ?

Молебствія, пѣніе хорами гимна, народныя изліянія радости и любви продолжаются, растутъ въ широкихъ размѣрахъ и вѣрно вызовутъ Государя.

Еще лучъ надежды: преступникъ (дознано) жилъ въ Знаменской гостинницѣ подъ именемъ Владимірова, сына Калужскаго помѣщика, и посѣщалъ Медикохирургическую Академію. Онъ говоритъ по-польски, и эксперты объявили, что сапоги его шиты не въ Россіи.—Назначеніе Муравьева принято въ Москвѣ съ энтузіазмомъ. Въ Петербургѣ на дворянскомъ обѣдѣ онъ сказалъ: „Я старъ, но лягу костями, чтобы свято исполнить возложенное на меня порученіе. Преступное покушеніе

*) 10 Апрѣля я написалъ къ министру юстиціи, что въ словахъ преступника 4 Апрѣля есть сходство съ прокламаціями Казанскими 1863 г. и что не слѣдуетъ-ли искать эту личность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Иваничкій и Мрочекъ.

имѣть далекія нити, которыя потрясаютъ общественные интересы всѣхъ сословій; но я не теряю надежды ихъ обнаружить и смѣю увѣрить, что настоящему дѣлу придана будетъ возможная гласность“. Муравьеву многое должно быть извѣстно изъ этого темнаго дѣла по дѣламъ Виленскимъ и если должно замѣтить, что онъ сознательно даетъ великое значеніе своей задачѣ, то должно сознаться, что онъ не остановится ни предъ какими препятствіями и личностями. Онъ знаетъ, что въ крайности для него возможна и диктатура. Можно опасаться личныхъ мщеній и завязатыхъ убѣжденій. Страшное время!

Государя ждутъ въ Москвѣ. Вѣроятно онъ предполагаетъ провести день рожденія въ Москвѣ, своей родинѣ. Вотъ будетъ торжество народное! Надобно ожидать народныхъ петицій о перенесеніи столицы. Энтузиазмъ неразборчивъ и требователенъ. Русской партіи много пищи и большая перспектива. Я нахожу даже—*слишкомъ*. Я боюсь крайностей: онѣ вызываютъ крайности, и отчаянное положеніе можетъ вызвать, пожалуй, повтореніе. Положеніе дѣлъ чрезвычайно натянуто. Въ настоящее время это тѣмъ опаснѣе, что, при запутанности дѣлъ и раздраженіи интересовъ, правительство слабѣе новой силы общественнаго мнѣнія, дѣйствующей безъ привычки, рубящей съ плеча и опирающейся на общество, едва вышедшее изъ темнаго прозябанія и тѣмъ болѣе ревнующаго свою недавнюю независимость.

Молодой кавалергардъ Шиповъ, сегодня изъ Петербурга, сказывалъ мнѣ, что вся полиція и всѣ войска округа и гвардіи предоставлены въ распоряженіе графа Муравьева. Ничего не слышно. Въ тостахъ и газетахъ утверждаютъ съ увѣренностію, что онъ не-русскій. Что-то откроетъ Муравьевъ?

Увы! Надежда тщетная! Онъ Русскій,—Каракозовъ (Дмитрій Владимировъ), сынъ небогатаго Сердобскаго помѣщика, бывший вольнымъ слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ. Это напечатано въ „Инвалидъ“ и въ „Москов. Вѣдом.“. Человѣкъ мой говоритъ, что народъ не вѣритъ, что онъ увѣренъ въ Польскомъ происхожденіи злодѣя.

Толкамъ (и по московски) нѣтъ конца. Провѣряютъ Татарское или Армянское происхожденіе преступника, его университетскія отношенія, его акты. Увѣряютъ, что онъ взялъ только фамилію, а въ дѣйствительности онъ другой, Полякъ. Молебны и манифестаціи продолжаются. Рабочая молодежь истаскалась, и хозяева плачутъ. Я доволенъ тѣмъ, что предположеніе мое въ письмѣ къ Замятнину подтвердилось: Каракозовъ изъ Волжскаго края, въ 1863 г. былъ въ Казанскомъ университетѣ и вѣрно знакомъ съ прочими.

Событіе 4 Апрѣля такъ поглотило всѣ интересы, что я, и безъ того довольно настроенный къ ожидавію дурнаго, до сихъ поръ и болѣе

нежели прежде, ожидаю дурнаго, подобнаго 4 Апрѣля. 10 Апрѣля я написалъ министру юстиціи, что упорствующій преступникъ долженъ быть изъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Мрочекъ и Иваницкій. Онъ Каракозовъ, и оказался изъ Сердобскихъ дворянъ, бывшій въ 1863 г. въ Казани. Въ дополненіе моего письма, я написалъ новое, отъ 18, и послалъ его съ моимъ племянникомъ Леонидомъ, гдѣ я развиваю общія замѣчанія о недостаткахъ политическихъ нашихъ слѣдствій, окончившихся безслѣдно, о пожарахъ, о воскресныхъ школахъ и подметныхъ листахъ. Безслѣдно, потому что обнаруженіе и полицейскій розыскъ факта въ дѣлахъ политическихъ есть начало, а не завершеніе слѣдствія; потому что всѣ эти явленія суть проявленія одной и той же силы, дѣйствующей въ центрѣ, и потому что здѣсь работаютъ не личности, а цѣлая организація, цѣлая доктрина. Я прибавилъ, что извѣстныя жертвы увлеченія и Польскихъ происковъ не исчерпываютъ всѣхъ сокровенныхъ запасовъ злоумышленія и что *при настоящемъ, совершенно ненормальномъ* состояніи общества безразсудные и легкомысленные тѣмъ легче поддаются затѣмъ внушеніямъ, что рассчитываютъ на возможность успѣха дерзкой рѣшимости. Потомъ я указываю на два недостатка Казанскаго слѣдствія: необслѣдовая обстановка курильной комнаты, гдѣ выкладывались прокламаціи, и не обращено вниманія на Польское семейство Миттерманъ, въ средѣ котораго Поляки знакомились съ Казанскою молодежью.

Ненормальность наша все возрастаетъ. Она дойдетъ до крайности и произведетъ крайнія, фанатическія выходки. Оскорбленные интересы мстятъ. Отравленная жизнь, мало мальски поддерживаемая сильною волею, не цѣнится въ грошъ и готова на все. Раздраженіе страстей, разгораемое свободною печатью, и теперь уже выражается рекриминаціями, борьбою партій на смерть. Достаточно прочесть передовыя статьи 20 и 21 Апрѣля „Моск. Вѣдом.“, чтобы видѣть, какъ журналистика вытаскиваетъ борьбу на улицы и площади, а здѣсь теперь непрерывное движеніе и крики и толки массъ, торжествующихъ спасеніе царя-освободителя. Бросьте въ эту массу словечко о великомъ князѣ Константинѣ, или о барскомъ заговорѣ, или о Польскихъ правахъ, и дайте освоиться этой массѣ: послѣдствія могутъ быть страшныя.

Меня ужасаетъ наступающая нужда. Эти агитаціи ее ускоряютъ. Меня ужасаетъ и возвращеніе къ порядку: послѣ такой распушенности всякій порядокъ представляется произволомъ, стѣсненіемъ и злоупотребленіемъ. Меня ужасаетъ и то, что въ этихъ опасеніяхъ рѣзни и волненій народныхъ никому и въ голову не приходитъ, что царь умеръ. Да здравствуетъ новый царь! А наслѣдникъ совершенныхъ лѣтъ,

и нѣтъ основанія предполагать, чтобы онъ былъ неспособенъ. Объ немъ никто ни слова.

Мы присутствовали при освященіи зданій и открытіи новыхъ судовъ. Зданія хороши и приспособлены, но не совсѣмъ готовы и вообще сыры. Министръ сказалъ рѣчь, обращенную къ новымъ дѣятелямъ, и обошлось чинно. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что эти суды „последнее слово науки“, намъ не по плечамъ, слишкомъ совершенны для наличныхъ силъ и средствъ общества и приводятся въ исполненіе совершенно непрактично. Въ печатномъ мнѣніи моемъ я предсказывалъ то, что теперь сбывается. Канцелярія бѣжитъ, остается оборышъ. Новые порядки водворяются трудно. Публика разинула ротъ. Всего страннѣе то, что самъ министръ (доля эта выпала Д. Н. Замятнину) совершенно противъ такой реформы и такого введенія. Увлекъ потокъ. Такъ сложилось. Двигали дѣло великій князь Константинъ и С. И. Зарудный.

Я ожидаю перемѣнъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Перемѣны начнутся съ мировыхъ судей и потомъ присяжныхъ. Вообще неудовлетворительность всѣхъ реформъ, покушеніе 4 Апрѣля и назначеніе слѣдователемъ графа Муравьева ведутъ къ реакціи и, можетъ быть, довольно крутой. Увольненіе Головнина есть начало. Когда вникнуть поближе, поглубже, то едва ли не остановятъ начатую ломку.

Покушеніе на графа Бисмарка! Подъ Липами, въ Берлинѣ, среди дня! Фанатикъ 22 лѣтъ, Блиндъ, сынъ заклятаго республиканца (самоубившагося). Покушеніе политическое, это несомнѣнно. Надобно было ожидать его при томъ раздраженномъ и напряженномъ состояніи общества и особенно Пруссакаго, обруганнаго, ошельмованнаго Бисмаркомъ. Если Прусское правительство не достигнетъ супрематіи въ Германіи, оно погибло. Бисмаркъ опирается на матеріальную силу и на буквальную власть суда въ искаженномъ составѣ. Все это чуждо честному Нѣмецкому элементу, и Гнейсты и Унруги начнутъ, чрезъ рѣчи, лекціи и газеты подрывать династическое начало, далеко не пользующееся въ Германіи прежнимъ авторитетомъ. Вообще надобно ожидать новаго концентрическаго круга, описаніе котораго уже намѣчено многими симптомами. Демократія наступаетъ и душитъ, а за демократіей, можетъ быть и республика, можетъ быть диктатура; но во всякомъ случаѣ огрубеніе, матеріализмъ и социализмъ.

Назначеніе гр. Дмитр. Андр. Толстаго оберъ-прокуроромъ и министромъ просвѣщенія должно вести къ весьма важнымъ преобразованіямъ. Я желаю, чтобы церковь получила свободу, пора ей эманципироваться, и чтобы учебныя заведенія, всѣ слившись въ одно вѣдомство, были нѣсколько обузданы отъ легкихъ гибельныхъ увлеченій, при которыхъ занятія, занятія серьезныя, удалились на третій планъ. Либеральничество

гр. Строгонова и, въ подражаніе ему, кн. Гр. Щербатова въ Петербургъ привело къ разнузданности 1860 годовъ, и автономія университетовъ по новому уставу консолидировала эту разнузданность въ общее начало, которое требуетъ отъ Совѣта и ректора либеральныхъ рѣчей, за тѣмъ качаній на рукахъ, манифестацій и процессій по улицамъ. Въ среднія заведенія пробрался нигилизмъ. Духовныя училища и семинаріи отличаются невѣжествомъ.

Московское духовенство смотритъ (Филаретъ и Леонидъ) на новаго оберъ-прокурора съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, и это по тремъ его распоряженіямъ. Онъ имѣлъ намѣреніе отдать въ аренду или продать синодалныя зданія въ Москвѣ, находящіяся на выгодныхъ улицахъ (на Никольской); во-вторыхъ, онъ прислалъ прокуроромъ конторы родственника своего Потемкина, человѣка довольно циническаго и несвѣдущаго; въ третьихъ онъ обратился къ секретарю консисторіи съ требованіемъ свѣдѣній о суммахъ. Все это очень невыгодно отозвалось на мастистомъ старцѣ, играющемъ quasi роль Всероссійскаго патріарха. И безъ патріарха, преобразование Синода въ независимый соборъ, безъ всякаго оберъ-прокурора, дало бы духовенству лучшее значеніе. Ослабленіе исключительности касты увеличило бы достоинство духовнаго званія.

Война или конгрессъ и миръ *statu quo*? Война нужна, чтобы отвлечь отъ проявленія революціоннаго движенія, вездѣ созрѣвшаго. Война нужна, чтобы дать исходъ оппозиціи, у которой нагорѣло до рѣшительныхъ дѣйствій, война нужна для усиленія правительствъ, истощающихся внутренними, постоянными напряженіями. Гр. Бисмаркъ довелъ партіи до смертельныхъ посягательствъ, Наполеонъ выражаетъ (въ Оскерѣ) явную ненависть къ трактатамъ 1815 г. и съ презрѣніемъ относится къ политикѣ Европейскаго равновѣсія, такъ торжественно и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выраженной Тьеромъ, за два-три дня до Оскерской громовой манифестаціи. Италія прикидывается въ совершенной зависимости отъ патріотическихъ бандъ, готовыхъ вторгнуться въ Венецію. И замѣчательно, что всѣ они обвиняютъ Австрію, будто бы вызывающую вооруженіе завоевательными планами въ Италіи и Пруссіи! Экая продерзостная воинственность! А бѣдная Австрія не знаетъ куда голову приклонить. Внутреннія борьбы съ разноплеменностями, съ несовременнымъ примѣненіемъ конкордата, съ разстройствомъ финансовъ, а ей приписываютъ завоевательные планы въ Италіи и даже Пруссіи. Такъ это похоже на басню „волкъ и ягненокъ“. Виды Пруссіи чувствуютъ второстепенныя Германскія государства, и они ищутъ поддержки въ Наполеонѣ, какъ сосѣдѣ по Рейну, а въ Александрѣ II, какъ

родственниковъ. Когда Ольгу Николаевну просили пожить подолѣе въ Петербургѣ, красавица-королева отвѣчала шуточнымъ тономъ: „Je ne sais, cela depend de Bismark“. Можетъ быть, заставятъ и насъ принять участіе въ Европейскомъ дѣлѣ. Жаль, что мы *несовсѣмъ* готовы. Южной дороги еще нѣтъ. А то пусть привлекутъ и насъ. И у насъ есть ненавистные трактаты. Для меня не подлежитъ сомнѣнію одно: вмѣшательство Наполеона не обѣщаетъ хорошихъ и прочныхъ результатовъ. Умная, логическая голова эта надтреснута, и онъ видитъ вещи въ свою призму. Повторяю: выиграетъ элементъ республиканскій и социалистическій. Самое обширное торжество Бисмарка приведетъ къ тому, что „Гогенцолернская династія будетъ украшеніемъ Прусскаго монархическаго трона“ или Нѣмецкой Имперіи. Скажу болѣе: сойдите со сцены нынѣшніе авторитеты соединеннаго королевства, самая Англія вовлечется въ тревоженія наши, доселѣ ей чуждыя.

Огромный упадокъ вексельнаго курса (на Парижъ 280 сант.) всѣхъ озабочиваетъ. Дѣйствительно, при такомъ курсѣ торговыя сдѣлки почти невозможны, и матеріальныя отношенія чрезвычайно шатки. Но отъ чего онъ падаетъ? Объясняли обиліемъ ассигнацій (къ которымъ прибавилось столько подложныхъ), убыточнымъ торговымъ балансомъ и побѣгомъ капиталовъ отъ страны, объята реформами и безпокойными ожиданіями. Бѣды особенной здѣсь не очень много, но бѣда есть. Бѣда именно та, что государство, дѣла и правительство въ напряженномъ, совершенно ненормальномъ состояніи, и своекорыстіе капиталистовъ спекулируетъ этимъ. Не только капиталы, люди бѣгутъ, боятся; не знаешь гдѣ пріютиться, чтобы оградить себя отъ опасности и убытковъ. Хочешь умалиться, чтобы тебя не замѣтили; хочешь уклониться, чтобы не взвалили лишняго, несоразмѣрнаго бремени. Причина—незрѣлыя реформы, вызывающія шаткіе порядки, обѣщающіе неудовольствіе, разстройство и опасности. У насъ, да я думаю и вездѣ, ходятъ самыя невѣроятныя слухи, продолжаются молебны и манифестаціи и общія жалобы. Славное время, но слабые люди.

Приготавливаю жену и дѣтей къ отъѣзду въ деревню и боюсь: мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ деревняхъ, начнутся опасности, грабежи и разбой. Преступленія усиливаются съ нуждою. Весна начинается прекрасно. Въ нѣсколько дней, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, все позеленѣло, и термометръ въ тѣни до 20°. Хорошее время и хорошій урожай отдалятъ злыя послѣдствія. Думаю рѣшиться отпустить; дѣти считаютъ деревенскую жизнь эльдорадо. А имъ нужно отдохнуть. Они эту зиму занимались много, прекрасно и съ большою пользой. Въ нихъ начинается математическая логика, и теорія величинъ, линій и звуковъ идетъ равномернo. На широкомъ для дѣтей изученіи языка

Русскаго (по новой методѣ, несовсѣмъ отчетливой) ложится приспособленное ученіе грамматикъ Французской, Латинской и Нѣмецкой. Послѣдній языкъ, самъ по себѣ очень трудный, дается очень туго. Органъ непривыкъ къ Нѣмецкимъ звукамъ, языкъ ломается, сказанное скоро забывается. Для практическаго ученія я взялъ гувернера-Нѣмца изъ Митавы, Кронберга. Кажется, человѣкъ хорошій, скромный и съ нѣкоторыми познаніями. Въ деревнѣ, въ 3—4 мѣсяца, дѣло можетъ подвинуться до того, чтобы дѣти говорили и понимали дѣтское чтеніе, а потомъ самоученіе довершить чтеніемъ. Физическимъ и нравственнымъ развитіемъ дѣтей я совершенно доволенъ. Мальчишка мой краснощекій и силенъ, и ловокъ, и строенъ. Красавица моя, моя любимица, мила по прежнему и столько же проста, сколько граціозна безъ малѣйшей мысли о нарядахъ и о желаніи нравиться. Учителя особенно отдають ей справедливость, въ чемъ соглашается и братъ, сознаваясь, что имъ занимаютъ болѣе. Немного трудно мнѣ выносить расходы. Одни уроки обходятся въ мѣсяць до 120 р.; но я и жена моя готовы на всѣ лишенія, особенно теперь, когда закладывается фундаментъ и вбиваются сваи, на которыхъ будетъ строиться широкое и высокое зданіе. Благодарю Бога и молю Его о продолженіи возможности довершить это святое и великое для меня дѣло, какъ желаетъ мое сердце и придумываетъ мой искренній и крайній умъ*).

Суворовъ свѣтлѣйшій уволенъ, съ упраздненіемъ военнаго генералъ-губернаторства, очень недоволенъ и не скрываетъ своего неудовольствія. „Разругавъ (какъ мнѣ пишетъ Гагемейстеръ) царя на всѣхъ переулкахъ въ Петербургѣ“, онъ проѣздомъ дѣлалъ тоже въ Москвѣ, пробывъ нѣсколько времени у Талызиной. Онъ увѣряетъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, предупреждалъ Государя о задуманномъ покушеніи на его особу, но Государь отвѣчалъ: „все это вздоръ, и дѣлается, чтобы тебя морочить“. Онъ просилъ Государя дозволить ему сопровождать его на улицахъ переодѣтыми служителями. Государь будто бы сказалъ на это: если я замѣчу, то прикажу арестовать переодѣтаго и дамъ этому случаю огласку. Суворовъ много говорилъ о своей полицейской дѣятельности и прибавилъ: „но средства всѣ въ III-мъ Отдѣленіи, а тамъ распоряжается дуракъ Долгорукій“. Откланиваясь Императрицѣ, Суворовъ сказалъ, что ѣдетъ въ деревню, чтобы наблюсти за сохраненіемъ обломковъ своего дворянскаго состоянія. Деликатно и умѣстно, особенно со стороны человѣка, пользующагося славою „безпредѣльной личной преданности“.

*) Желалъ бы я, черезъ десять лѣтъ, посмотрѣть на сверстниковъ Мити: Володю Симанскаго (слишкомъ годомъ старше), Николу Толстаго (годомъ моложе), даже Алепу Елагина (двумя годами старше) и Вѣрочку Оверъ, сверстницу Наташѣ, бѣловую дѣвочку.

Между тѣмъ Муравьевъ развиваетъ слѣдствіе въ огромныхъ размѣрахъ. Говорятъ, изъ одного Московскаго университета забрано 116 челоуѣкъ. Много. Но, кажется, на нить еще не попали. Должно замѣтить, что всѣ прежніе осужденные: Михайловъ (уже умершій), Обручевъ, Чернышевскій и др. не дѣлали полнаго признанія. Говорятъ, даже Огрызко многого не досказалъ. Всѣмъ этимъ дѣламъ дано отдѣльное направленіе, и они рѣшены какъ частныя явленія. Въ этомъ важная ошибка. Вторая, важнѣйшая—это непреслѣдованіе до корней: довольствовались признаніемъ или изобличеніемъ неполнымъ. Теперь повернуть это трудно. Общее убѣжденіе то, что преступникъ не Каракозовъ, хотя и назывался въ университетахъ этимъ именемъ. И я думаю, что онъ Полякъ изъ царства или западныхъ губерній, гдѣ принимаются (по крайней мѣрѣ на бумагѣ) такія радикальныя мѣры, которыя способны довести до отчаянія, до сумасшедшаго фанатизма. Въ Русскихъ социалистахъ такой фанатизмъ могъ бы быть напускаемъ на слабыя головы.

Газеты схватились за финансовое управленіе и подвергаютъ его строгому осужденію. „Голосъ“ упрекаетъ въ непроизводительныхъ расходахъ для умноженія синекуръ и увеличенія окладовъ высшихъ учреждений; „С.-Петербург. Вѣдомости“ находятъ, что управленіе принесло убытку болѣе 700 мил. р. тогда какъ вся Крымская кампанія стоила не болѣе 500 м. р. Всѣ роищутъ на Рейтерна. Всѣ предлагаютъ кандидатовъ. Я увѣренъ, что посыпятся „предостереженія“, но печать возьметъ свое, Рейтернъ уйдетъ на покой и уѣдетъ за границу. Кто будетъ его преемникомъ, назначаютъ, кто сенатора Фишера (главный агитаторъ здѣсь пройдоха сенаторъ Войцеховичъ), кто А. П. Шипова (о немъ давно уже писалъ и пишетъ братъ его, генералъ Шиповъ), кто А. А. Абазу (кандидатъ великой княгини Елены). Миѣ кажется, никто изъ нихъ не можетъ назваться серьезнымъ кандидатомъ и не имѣетъ даже отдаленныхъ правъ. Шиповъ считаетъ авторитетомъ всякую книжонку въ протекціонномъ ученіи. Фишеръ никогда по финансовой части не служилъ и занимался ею какъ аматёръ. А заводчикъ и откупщикъ Абаза едва ли и самъ пойдетъ. Вѣроятно, сдѣлаютъ Грота или Зabloцкаго. Можетъ быть, Татаринова, челоуѣка серьезнаго, чиннаго и съ характеромъ; но тогда надобно будетъ измѣнить составъ министерствъ и придать Татаринову кредитъ и казначейства. Но кто бы ни былъ преемникъ, а выбратъся намъ изъ трущобъ очень трудно. Шатко будущее, возбуждены неосновательныя надежды, потрачены почти всѣ интересы. Мы близки къ террору, и между тѣмъ разнузданность личностей, разслабленіе власти и неизбѣжность дефицитовъ привели общество и государственныя дѣла въ состояніе ненормальное, лихорадочное. Я уди-

вляюсь не тому, что есть и будетъ, я удивляюсь, какъ могло и можетъ быть такое безцеремонное, дѣтское обращеніе съ дѣлами, отъ вліянія которыхъ зависягь миллионы участвій и крѣпость государства.

Я познакомился съ молодымъ ученымъ Влад. Ив. Ершовымъ. Онъ въ 1862 г. учился въ Московскомъ университетѣ и по возникшимъ тогда студентскимъ продѣлкамъ долженъ былъ его оставить и отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ учился около четырехъ лѣтъ Римскому праву и за написанную имъ диссертацию (*quatenus competat interdictum uti possidetis in servitutibus praediorum*) получилъ первую золотую медаль, а потомъ, по публичному диспуту, получилъ и званіе доктора Римскаго права. Молодой человекъ мнѣ понравился, ему едва 21-й годъ, и онъ прекрасно выдержанъ заботливой матерью (Варвара Серг., рожденная княжна Вяземская). Но странное впечатлѣніе производитъ молодой докторъ. Онъ, кромѣ односторонности предмета ученія, возбуждаетъ подозрѣніе въ солидности своихъ знаній вообще, обнаруживаетъ недовѣріе къ себѣ, опасеніе держать экзаменъ (столь у насъ многопредметный) на кандидата, и теперь этотъ доблестный юноша, съ ореоломъ первой преміи и высшаго ученаго званія перваго Европейскаго университета, не имѣетъ никакихъ правъ ни по ученому вѣдомству, ни по юридическому. Я рекомендовалъ его министру юстиціи, и онъ съ большою готовностію обѣщался принять его на службу и устроить. Я не полагаюсь на Замятнина: онъ зависитъ отъ окружающихъ, а окружающіе-правовѣды держатъ себя замкнуто. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей утверждаютъ, что докторство дается въ иностранныхъ университетахъ очень легко, и въ Гейдельбергѣ достаточно угостить хорошимъ обѣдомъ, чтобы получить дипломъ на доктора. Это утверждаетъ и самъ Ершовъ, но исключаетъ Берлинскій университетъ. Непонятно для меня, что, дойдя до докторства, Ершовъ не имѣетъ никакой привязанности и влеченія къ наукѣ и не имѣлъ даже мысли о кафедрѣ. Болѣе: онъ пожалуй не прочь и въ гусары идти. И заботливыя матери рѣдко умѣютъ хорошо оканчивать ученіе дѣтей. Я знаю это по Вар. Дм. Обрѣзковой, воспитывающей пятый годъ своихъ четырехъ дѣтей въ Гейдельбергѣ. Пожалуй, и они пріѣдутъ съ степенями ученыхъ и поступятъ въ гусары.

„Московскія Вѣдомости“ получили второе (6 Мая за 81 №) и третье (7 Мая) предостереженія и за тѣмъ пріостановлены на два мѣсяца. Въ Москвѣ это огромное событіе, и оно огласилось и громко и быстро. Ожидаютъ протестацій и манифестацій, хотя не то время: событіе 4 Апрѣля и развивающееся слѣдствіе поглощаютъ все вниманіе и озабочиваютъ преимущественно тѣ кружки, въ которыхъ наиболѣе выражались симпатіи Каткову. И я имѣю симпатію къ этому блестящему редактору передовыхъ статей и гордому представителю открытаго

національнаго знамени; но человекъ правительственный, я доволенъ, что министръ наконецъ рѣшился прекратить скандальную борьбу съ журналистомъ и возстановить силу закона и порядокъ, начинавшій походить на анархію. Министръ сдѣлалъ это довольно неловко, съ ужимками и не въ время (скандалъ упреканій продолжался съ 29 Апрѣля по 9 Мая), но по крайней мѣрѣ сдѣлалъ. Я опасуюсь одного: не въ время принятая мѣра и единовременное распоряженіе о судебномъ преслѣдованіи трехъ статей „С.-Пбр. Вѣдомостей“ (статей довольно пустыхъ) и „Вопросъ новаго поколѣнія“ напечатанный въ „Современникѣ“, не указываютъ-ли на начало реакціи? Реакція, какъ мнѣніе, есть орудіе неблагородное, но, къ сожалѣнію, часто вызываемое необходимостію. Перемѣна Головнина, возрастающая важность Муравьева, увольненіе кн. Суворова могли бы вести къ мысли о реакціи; но едва-ли это такъ. При современныхъ и совершающихся реформахъ реакція невозможна. Финансовыя путаницы связываютъ правительство. Кругомъ виноватое, оно выѣзжаетъ на либерализмъ и снисхожденіи. Впрочемъ, Муравьевъ въ душѣ явный врагъ либеральнымъ преобразованіямъ. Онъ рабъ и деспотъ durch und durch. Чтò сдѣлаетъ Катковъ? Онъ будетъ крамольничать.

Рескриптъ 13 Мая. Какая нелѣпость и неосторожность! И какой вздоръ и недалководидность! Не опомнишься, не умѣешь дать себѣ отчета въ такой безтактности, лишенной всякаго достоинства. „С.-Петербург. Вѣд.“ № 171 доказываютъ нелѣпость содержанія и цѣли. И весь свѣтъ и вся Европа прочтутъ съ изумленіемъ и злорадствомъ, какая порча такъ глубоко и такъ нагло охватила Русское государство! Какое довѣріе можно имѣть въ ближайшей будущности такого испорченнаго органа? Какое ликованіе для реакціонеровъ всѣхъ видовъ и степеней, и прежнихъ министровъ, и партіи „Вѣсти“ и партіи Московской, клеймившей „Петербургскихъ“ педагоговъ и администраторовъ! Какое торжество для Мазадовъ, получающихъ оправданіе ихъ преувеличеній! Какое поле для исключительнаго положенія дворянства, землевладѣльцевъ и для огульнаго презрѣнія къ просвѣтительнымъ началамъ, къ журналистикѣ и литературѣ! Это ужасный рескриптъ, основывающійся на какихъ-то (никому неоглашенныхъ) свѣдѣніяхъ слѣдственной комисіи Муравьева и клеймящій позоромъ и измѣною всѣмъ управленія. Кто писалъ этотъ актъ, кто совѣтывалъ обнародовать его? Реакція? Но я увѣренъ, что она такъ оробѣла отъ новыхъ порядковъ, что у нея не хватитъ силъ на борьбу, и она удовольствуется бумажными манифестациями. Насъ спасаетъ невѣжество народа. Только невѣжество!

Общій говоръ тотъ, что въ рескриптѣ повторены обвиненія, которыя столько разъ выражались въ „Московск. Вѣдомостяхъ“, и за

которыя изданіе Каткова и Леонтьева пріостановлено. Катковъ можетъ жаловаться или просить о возстановленіи правъ.

Въ „Современной Лѣтописи“ 18 Мая помѣщена статья „Развѣ“ съ помѣтою 8 Мая изъ Тулы. М. Н. Лонгиновъ сказывалъ мнѣ, что „Развѣ“ послано *имъ* 26 Апрѣля. Статья эта написана послѣ 15-го, по прочтеніи рескрипта, ибо она очевидно на него опирается и его развиваетъ. Она начинается „гоненіемъ за мнѣнія“, чего и въ мысль не могло прійти до мысли о реакціи. Она писана Катковымъ, ибо его любимыя приемы, его пошибъ и его мысли. О смѣщеніяхъ ничего не слышно. Да едва-ли они и будутъ.

„Вѣсть“ торжествуетъ. Нельзя не видѣть нѣкоторой натянутости въ передовыхъ статьяхъ всѣхъ газетъ, занимающихся преимущественно иностранною политикою. „Москов. Вѣд.“ безъ передовыхъ статей и тощи и вялы.

Государь съ семействомъ ѣдетъ въ Москву. Приготовленія обширныя.

Обрусѣнію западныхъ губерній должна способствовать покупка тамъ имѣній Русскими, и для осуществленія этой мѣры правительство даетъ льготы и ссуды. Но, не смотря на всю суровость этой мѣры, чисто революціонной и социалистической, осуществленіе это едва-ли возможно. У Русскихъ денегъ нѣтъ, у правительства тоже. Имѣнья раззорены, и доходность ихъ подрывается повѣрочными комиссіями. Это скорѣе усилитъ тамъ элементъ Нѣмецкій и безъ того уже довольно распространенный. Элементъ этотъ силенъ въ Царствѣ, и западныя Нѣмцы между нимъ и Остзейскимъ краемъ образуютъ цѣпь, которая чрезъ Познанскую провинцію примкнетъ къ Германіи. Я долго говорилъ съ лицами, бывшими въ Кіевѣ и Ковнѣ; они не знаютъ доселѣ ни одного имѣнья, купленнаго Русскими по новымъ правиламъ. Мы любимъ шумѣть, а дѣйствуемъ плохо. Судебная реформа до сихъ поръ и не коснулась этихъ краевъ, а она представляетъ такое сильное орудіе для обрусѣнія.

Война неизбѣжна и едва-ли уже не началась, въ Голштиніи, въ Венеціи или въ Молдавіи и даже въ Силезіи. Начала социализма и національности запутываютъ въ нашъ вѣкъ всѣ вопросы и даютъ событіямъ неподобающіе размѣры и значеніе. Если Австрія будетъ бороться съ Италіей и Пруссіей порознь, она можетъ выйти побѣдительницею и усилитъ свою Нѣмецкую національность, чего собственно и добиваются Габсбурги, назвавъ имперію по имени двухъ Нѣмецкихъ герцогствъ. Но если ей, Австріи, придется бороться на Сѣверѣ и на Югѣ въ одно время, то едва ли она не заплатитъ Венеціей и ослабленіемъ въ Германскомъ союзѣ. Послѣднее ее ожидаетъ, кажется, во всякомъ случаѣ, и казалось бы ей слѣдовало принять предложеніе

Пруссіи, ибо такъ-ли или иначе осуществляющійся народный парламентъ Германскій не допуститъ первенствующаго положенія Австріи и провозгласитъ имперію подъ короною Пруссіи. Въ Австріи прекрасное войско, превосходный генераль Бенедекъ, большая надежда на сочувствіе второстепенныхъ державъ; но соперничество и открытая борьба Австріи и Пруссіи выдвинетъ народный элементъ, а онъ будетъ дѣйствовать въ демократическомъ смыслѣ и въ строго-національномъ единствѣ. Война безъ завоеваній и приращеній во всякомъ случаѣ есть чистая потеря, убытокъ, долгъ. При настоящемъ развитіи образованности подобныя средства (войны) подмываютъ окончательно династическій престижъ, и безъ того довольно слабый, и ведутъ къ парламентаризму, отъ котораго недалеко до учрежденій республиканскихъ. Программа 1789 г. постепенно осуществляется, и отъ этого всего менѣе можно ожидать пользы для Австріи, слѣпленной изъ разныхъ народностей и держащейся кое-какъ монархическими преданіями. Австрія ставитъ ихъ на карту.

Многое ставитъ на карту и Пруссія со своимъ Бисмаркомъ, отъ котораго отворачивается вся Германія. Его считаютъ способнымъ уступить Рейнъ. Вмѣшательство Наполеона можетъ измѣнить всю карту Европы. Всѣ дрожать.

Государь, говоря о Московской встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ, прибавилъ, улыбаясь: „такъ приняли по-московски, что даже страшно стало“. Оно дѣйствительно страшно это одушевленіе и движеніе массъ. Онѣ чрезвычайно зыбки и, въ настоящее время безпрестанныхъ перемѣнъ, быстро перемѣнчивы. Незрѣлыя реформы принимаются дурно, противорѣчатъ привычкамъ и оскорбляютъ интересы. Сегодня сидѣла у меня Меропія Новосильцова, только воротившаяся изъ Петербурга, и описывала, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ Петербургъ 8 Апрѣля, когда никто не зналъ, откуда выстрѣлъ и кто преступникъ. И тоже двигались и шумѣли массы, толкуя о виновныхъ. Ожидали страшной рѣзни.

Пребываніе Государя довольно уединенно и мало или ни сколько не измѣняетъ обычной Московской жизни. Рескриптъ 13 Мая комментируется въ министерскихъ циркулярахъ, которые впрочемъ удостовѣряютъ, что выраженные въ рескриптѣ начала всегда были исходными пунктами всѣхъ министерскихъ распоряженій. Это особенно рѣзко выражено м. в. д. (Валуевымъ). Что-то скажетъ министръ просвѣщенія, который ѣдетъ сюда, чтобы познакомиться съ Московскимъ ученымъ міромъ, обвиняемымъ въ Петербургѣ особенно въ нигилистическихъ тенденціяхъ. Говорятъ, будто корифеи наши, профессора Чичеринъ и Дмитріевъ, оставляютъ университетъ. Но нигилизмъ гнѣздится не въ университетѣ, а въ

среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ. О реакціи и не слышно; правда, запрещены журналы*), но назначенъ Грейгъ. О Каракозовѣ извѣстія самыя противорѣчивыя. Говорятъ, что раскрыты сообщники: учитель Худяковъ и бывший студентъ Макавѣевъ (Московскіе). Говорятъ, что Каракозовъ сознался: Теперь, когда открыты мои сообщники, я скажу всю правду. Да, заговоръ былъ, и жребій выпалъ мнѣ исполнить злой умыселъ. Я рѣшился исполнить, но вынужъ пулю. Вынулъ пулю слѣсарь, которому я торопливо успѣлъ сказать: выньте пулю, пятьдесятъ рублей. Вошли наблюдавшіе за мною Худяковъ и Макавѣевъ. „Удостоверьтесь, хорошо-ли заряженъ пистолетъ“, сказалъ я при нихъ слѣсарю, и онъ понялъ дѣло. Я стрѣлялъ холостымъ зарядомъ“. Говорятъ, будто указанный слѣсарь подтвердилъ показаніе, пояснивъ, что онъ предполагалъ, что дѣло идетъ о частной дуели. Москва умѣетъ выдумывать и глупѣ этого.

Я едва могъ дочитать вторую часть исторіи Юлія Цезаря, Наполеона III-го. Она написана гораздо хуже первой, начатой вѣроятно еще въ Арговіи или Аугсбургѣ. Скучнѣйшія описанія Галльскихъ народовъ, мельчайшія подробности, утомляющія своею незначительностію. Никакой художественности въ изложеніи и слогѣ, смѣшеніе разсказа съ изслѣдованіемъ. Повторенія, обличающія работу урывками (Сравни напр. стр. 154 и 394, стр. 207 поражение Сабина и Котты разсказано два раза). Судя по такой работѣ, я сомнѣваюсь, чтобы поспѣлъ III-й томъ. Развѣ напишетъ другая рука. Нелишны интереса намеки на современное состояніе Франціи. Нѣкоторыя страницы (въ концѣ книги) читаются съ удовольствіемъ.

Многіе, люди серьезные, ожидаютъ реакціи. Самое назначеніе Грейга объясняютъ переменною системы. Грейгъ въ Августѣ будетъ министромъ. Онъ беретъ себѣ въ товарищи оратора гр. Петра Шувалова. Мѣсто Грота займетъ подобный родичъ. Лобанова-Ростовскаго (Константинопольскаго) готовятъ смѣнить Валюева. Гр. Гейденъ командующимъ Варшавскимъ округомъ съ управленіемъ гражданскою частію, которая въ высшихъ инстанціяхъ сливается съ министерствами имперіи. Реакція? Но какая же реакція при свободѣ печати, при публичномъ судѣ и при общемъ гражданскомъ равенствѣ?

Дворянская газета „Вѣсть“ семенитъ и торжествуетъ. Мнѣ прислали рѣчь Калужскаго предводителя (она будетъ напечатана), въ которой дворянству требуется первенствующее вліяніе, и управленіе Арци-

*) „Современникъ“ и „Русское Слово“ по докладу кн. П. П. Гагарина за вредное издавна замѣченное направленіе. Это урокъ главному управленію и министру и урокъ нашимъ законникамъ. Впрочемъ и Валюевъ, и Щербининъ переварятъ.

мовича сравнивается съ началами школы и среды, изъ которыхъ вышли изверги Каракозовы. Реакціи особенно ожидаютъ отъ гр. Толстаго, министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Синода. Онъ чело-вѣкъ желчный, личный врагъ своего предшественника Головнина, чело-вѣкъ самолюбивый и просвѣщенный. Онъ уже смѣнилъ (говорять) Новороссійскаго попечителя, Арцимовича Адама, противъ котораго Москва агитировала весьма открыто. Теперь онъ ѣдетъ въ Казань, гдѣ гнѣздится Русско-Польская эмиграція, намѣревавшаяся поднять весь этотъ полудикій Приволжскій край. Дѣло въ томъ, что реакція въ воз-духѣ, и нельзя ея было не предвидѣть по всегдашнимъ и непремѣннымъ послѣдствіямъ усиленныхъ и несозрѣвшихъ преобразованій.

Юнь. Война началась и (битва при Кѣниггрецѣ), пожалуй, кончается или, пожалуй, начинается (уступка Венеціи Императору и при-нятіе имъ посредничества) въ новыхъ, колоссальныхъ размѣрахъ. Прус-сія ведетъ дѣло мастерски, счастливо и смѣло. Разбитая на голову Австрія бросилась въ объятія всегда открытой соперницы и побѣди-тельницы своей—Франціи. Исключеніе Австріи изъ Германіи и обра-щеніе ея къ Наполеону—это уже созданіе Нѣмецкой Имперіи съ сто-лицею въ Берлинѣ, а съ Имперіей упраздненіе второстепенныхъ державъ, сепаратизма и разрозненности Нѣмецкихъ силъ. Но допустить-ли это Наполеонъ, стѣсненный своею программю и имѣя въ перспективѣ такого опаснаго сосѣда? Пруссія дѣйствовала противъ Австріи совершенно въ революціонномъ духѣ, и она побѣдила консервативную Им-перію; но теперь передъ нею революціонный герой. Устоитъ-ли система Бисмарка? Наполеонъ выгадываетъ, какъ ловче ударить. Онъ съ Россіей и Англіей предложитъ конгрессъ и на конгрессѣ приметъ основаніемъ уже принятія Пруссіей начала національностей и общей подачи голо-совъ. При мысли о національности онъ умолчитъ о Польшѣ, чтобы имѣть съ собою Россію. Но разъ останова расширение Пруссіи, онъ возвратится къ давно заявленной мысли о передѣлкѣ карты Европы и тогда рѣшится воскресить Польскую національность. Само собою разу-мѣется, что прежде онъ выговоритъ округленіе границъ. Думаю я однако, что демократія вырветъ дѣло изъ рукъ дипломатіи, и демократы уже готовы стать во главѣ народныхъ партій, сила которыхъ и въ Италіи и на Балканѣ, и въ Венгріи, и въ самой Пруссіи очень чувстви-тельна. Смѣшна была бы эта демократія, если бы пропустила такой удобный случай. Впрочемъ и путемъ парламентскимъ, при общей по-дачѣ голосовъ, власть поплатится своимъ могуществомъ, и поплатится гораздо побольше нежели въ счетахъ своихъ съ Грабовымъ и к^о. Я про-вижу развитіе демократіи, социализма и республики. Европа зрѣетъ для этихъ учреждений, и мнѣ кажется самое начало національностей отодвигается на второй планъ.

Война въ полномъ развалѣ. Каткову разрѣшено продолженіе редакціи. Министръ вн. дѣлъ сдѣлалъ объ этомъ „распоряженіе“. Катковъ его не напечаталъ, а напечаталъ, что оно не имѣетъ основанія. Анархія во всемъ продолжается. Менѣе опасеній за безопасность, потому что новые суды, особенно мировые судьи, представляютъ гарантіи дѣйствительныя. Разрѣшеніе Каткову дано на аудіенціи 21 Іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Москва связываетъ это разрѣшеніе съ возможностью войны. Петербургъ не видитъ возможности воевать, и говорятъ что Дм. Милютинъ уступить свое мѣсто болѣе воинственному Тотлебену или Потапову.

Указъ о верховномъ судѣ надъ Каракозовымъ повторяетъ рескриптъ 13 Мая.

Война продолжается, усложняется, и перемиріе мелькаетъ, но не дается. Ходъ военныхъ дѣйствій показываетъ, какъ давно готова Пруссія и какъ мало готовы Австрія и Германія. Все ведетъ къ объединенію Нѣмецкой Имперіи, и безъ этого единства немыслимо прочное устройство. Все что можно сказать о Пруссіи, это то, что она дѣйствуетъ ловко, лучше нежели ея враги, которые дѣйствуютъ непонятно дурно. Не поймешь, гдѣ Баварцы, Александръ Гессенскій, Вюртембергъ? Но ловкость Прусская обоюдно остра: перестраивая рационально, лстя народностямъ Славянскимъ и Венгерской, Пруссія, подъ обаяніемъ военной славы, умѣла ослабить и внутри легіонъ либеральной партіи въ новомъ своемъ парламентѣ, но повторяю: ловкость эта неискренна, и гр. Бисмаркъ, перемѣня аллюры, не перемѣнитъ образа дѣйствій правительства, непримиримаго съ парламентаризмомъ. А ему много пища и опоры „съ исключеніемъ Австріи“ и со включеніемъ всѣхъ краевъ Нѣмецкихъ. И въ Германскомъ парламентѣ министръ Вильгельма I-го будетъ въ меньшинствѣ. Потомъ: объединеніе Германіи прекратитъ германизацію Славянъ и вызоветъ ихъ къ болѣе самостоятельной жизни, къ тѣмъ „правамъ и преданіямъ историческимъ“, которыя обѣщаютъ имъ революціонныя Прусскія прокламаціи. Въ этой войнѣ всѣ будутъ въ потерѣ, кромѣ Нѣмецкаго народа, и особенно выиграютъ народныя демократіи. Австрійскій домъ не исчезнетъ, но ослабнетъ до незначительности второстепенныхъ державъ. Сильны и численны Австрійскіе Славяне и Венгры, но совокупность, цивилизація и территория ихъ въ какое же можетъ идти сравненіе съ Германіей, Россіей, Франціей и Италіей? Это будетъ вторая Турція.

Есть что-то личное въ мщеніи Бисмарка Франкфурту (да и всей южной Германіи). Въ Pr. Staatsanzeiger, отъ 27 Іюля № 180 перепечатана статейка о Франкфуртѣ, какъ гнѣздѣ враговъ Пруссіи, наемныхъ демагоговъ и демократіи. Статейка дышетъ грозною ненавистью

и можетъ служить программю крайняго раззоренія, уничиженія, уничтоженія Франкфурта. Слышится злорадость надменнаго, кичащагося побѣдителя. 6 милліоновъ деньгами и 2 мил. припасами недостаточны; давай еще 52 мил. гульденовъ. Это уже не вольный городъ, а вѣроятно завоеваніе въ распоряженіи побѣдителя. Да, но зазнавшійся и заносащійся мститель подобными дѣйствіями и подобными неприличными полемиками возстановитъ противъ себя всю демократію, котогая очень многочисленна въ Германіи и особенно въ сѣверной, и возбудитъ журналистику, которая есть сила и сила мощная. Грустно смотрѣть на такія крайнія событія, но надобно отдать все таки справедливость Пруссіи: она дѣйствуетъ превосходно, говоритъ твердо и казнить немилосердно. Она истощитъ южную Германію до нельзя.

Нынѣшняя поѣздка въ деревню (21 Іюля—28 Августа) не удалась совершенно. Во-первыхъ, скучный и непріятный заѣздъ въ сторону къ именинницѣ (22 Іюля), свиданіе въ Тулѣ (22), кончившееся разочарованіемъ, а въ третьихъ (и это самое главное) болѣзнь дѣтей, коклюшь, испортили все время, пгедназначенное для отдыха. Деревня въ 40 верстахъ отъ города, и поѣздка туда, и пребываніе тамъ (съ 14 по 18-е) наскучили и изнурили меня до крайности. Тяжелымъ камнемъ легла и лежитъ болѣзнь дѣтей, особенно Наташи. Она довела ее до крайней слабости, и нельзя было смотрѣть на этого умнаго, прекраснаго и кроткаго ребенка безъ терзанія сердца и глубокаго удрученія отъ безпомощности, въ которой оставляетъ медицина дѣтей въ коклюшѣ.

Деревня постепенно падаетъ и распадается. Все ловить сорвать что-нибудь и уйти куда нибудь. Братъ устарѣлъ и приходитъ въ дѣтство. Приходилось ѣсть однѣхъ цыплятъ; доходило, что не было бѣлаго хлѣба. Отъ частныхъ переѣздовъ, съ подставами, лошади измучились. Все несла и несетъ на своихъ могучихъ плечахъ мать. Не знаешь, гдѣ беретъ силу эта больная женщина. Я оставилъ ихъ 28 и пріѣхалъ въ Москву 30 Августа.

Пріѣздъ Американцевъ, смерть гр. Муравьева и казнь Каракозова, вотъ чѣмъ заняты Москва и цѣлая Россія. Второй секретарь Морскаго Министерства Фоксъ привезъ резолюцію Вашингтонскаго конгресса, выражающую радость и сочувствіе Соединенныхъ Штатовъ по поводу неудавшагося покушенія 4 Апрѣля. Честь большая—подобное заявленіе цѣлаго конгресса. Дѣло небывалое и неслыханное. За то уже и чествовали Американцевъ въ Петербургѣ, Твери, Нижнемъ, Костромѣ и опять въ Петербургѣ. Рѣчей было такъ много и въ нихъ такъ много выражалось упрековъ и вызововъ западной Европѣ, что правительство сочло нужнымъ устами вице-канцлера, на обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ, смягчить силу впечатлѣнія этихъ заявленій и увѣрить, что въ сближеніи

великой республики и великой имперіи не представляется ничего угрожающаго.

Смерть Муравьева приписываетъ Москва отравѣ. Онъ 70 лѣтъ, былъ боленъ, могъ умереть и безъ отравы. Смерть его важна въ томъ отношеніи, что съ отходомъ старыхъ людей (консерваторовъ) напоръ новыхъ, незрѣлыхъ порядковъ будетъ усиливаться, и отрезвление сдѣлается совсѣмъ невозможнымъ. Муравьевъ Польскими дѣлами возведенъ былъ на пьедесталъ народнаго министра, и поэтому и по колоссальнымъ своимъ способностямъ, характеру и опыту имѣлъ значеніе силы, могущества, авторитета, передъ которымъ умолкали всѣ представители крайнихъ направленій. Въ этомъ отношеніи онъ незамѣнимъ. Миръ праху твоему, неутомимый сокрушитель Польской sprawy.

Процессъ Каракозова идетъ какъ-то загадочно. Сперва не было ничего неизвѣстно, потомъ показалась статейка въ „Сѣверной Почтѣ“, слагавшая всю вину на нигилистовъ-студентовъ и гимназистовъ, наконецъ явился и приговоръ. Ничего не поймешь въ этихъ мелочахъ, сопоставляя ихъ съ громадными опасностями, о которыхъ говорится и въ рескриптѣ 13 Мая, и въ указѣ объ учрежденіи верховнаго суда. Все дѣло ведено очень неопытною рукою, и довѣріе общества все болѣе подмывается. Прибавьте къ этому умноженіе преступленій и бунты Поляковъ въ Сибири и (тоже Поляковъ) на Кавказѣ. Глазъ съ удовольствіемъ останавливается на начаткахъ судебной реформы.

Кромѣ текущихъ газетъ, исполненныхъ такого живаго интереса, я успѣлъ прочесть въ деревнѣ: 1-е, *Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident* Мюнхенскаго ученаго Д. А. Pichler-a. Два толстые тома, Мюнхенъ 1865—1866 г. Это трудъ обширный, по возможности безпристрастный и самъ по себѣ, и по настоящимъ обстоятельствамъ весьма важный. Какъ много было попытокъ къ соединенію и какъ близко были приглашенія, но все обрушилось „догматомъ“ о главенствѣ папы „въ Римскомъ смыслѣ“. Мнѣ кажется Галликанская церковь могла бы возбудить попытки о соединеніи въ томъ видѣ, какъ Сорбонна предлагала Петру Великому, особенно въ настоящее время, когда самое существованіе папскаго влaстительства подвергается колебаніямъ и сомнѣнію. Жаль, что Пихлеръ мало знакомъ съ нашею богословскою литературою и пробавляется часто Гагаринымъ, Головинымъ, Петр. Долгорукимъ и под.

Обнародованы приговоры верховнаго уголовного суда 31 Августа, о Каракозовѣ, а 8-го Сентября о Кобылинѣ, оговоренномъ Каракозовымъ. Остаются тайныя общества. Такъ наши государственные мудрецы удовлетворяютъ напряженнымъ требованіямъ общества черезъ часъ по ложкѣ. Вотъ тебѣ виновный въ покушеніи одинъ школьникъ,

и черезъ недѣлю — вотъ тебѣ сообщникъ этого школьника, лекарь Кобылинъ, но онъ ни въ чемъ невиненъ. А по существу дѣла, о средѣ, изъ которой вышелъ Каракозовъ, погоди. Много-ли, долго-ли, неизвѣстно, какъ разсудятъ наши мудрецы. Одинокость Каракозова поразительна. Какую цѣль могъ имѣть недоучившійся школьникъ, покушаясь на жизнь Государа? Какъ рѣшился судъ отдѣлить сужденіе о немъ отъ прочихъ, отъ главныхъ основаній дѣла? Почему отдѣлено производство о сообщникѣ имъ оговоренномъ, Кобылинѣ? И что за безграмотные приговоры! Кто это такіе: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Метлинъ? Въ Москвѣ общій говоръ, что дѣлу дали такой ходъ, чтобы маскировать его важность и особенно, чтобы выгородить Великаго Князя Константина, который оставилъ Петербургъ и гуляетъ по Черному морю. Я увѣренъ, что здѣсь играетъ роль болѣе неразуміе, нежели умыселъ, болѣе оплошная небрежность, нежели какая нибудь цѣль. Я убѣжденъ, что Каракозовъ былъ членъ секретной организаціи, гдѣ преобладающее вліяніе было Польское. Впечатлѣніе этихъ публикацій очень тяжело, потому что изъ нихъ не узнаешь ничего опредѣлительнаго, и по прочтеніи невольно спрашиваешь: да что же это такое?

Всѣ газеты наполнены церемоніалами встрѣчи принцессы Дагмары Датской. Приготовленія огромныя, массы кораблей, войска и двора, больше цѣлой Даніи. Прекрасная Сѣверная Царевна, невѣста царственнаго покойника, будетъ подавлена впечатлѣніями, воспоминаніями и трепетнымъ ожиданіемъ. Подъ какою звѣздою родилась Скандинавская красавица? Что ожидаетъ ее въ будущемъ? Потерявъ одного жениха, она перенесла чувства свои на другого, брата и преемника прежняго.... Нынѣшній наслѣдникъ обѣщалъ и обѣщаетъ гораздо менѣе своего брата. Онъ, по увѣренію гр. Сергѣя Строганова, получилъ небрежное воспитаніе и очень плохое образованіе. Въ 20 лѣтъ возраста вздумали это поправить и набрали профессоровъ. Едва начали они заниматься, понадобилось ему ѣхать въ Копенгагенъ, свататься. Едва по возвращеніи, снова начались лекціи, понадобилось практически изучать Россію, и молодой человекъ отъ оваціи къ оваціи побывалъ по Волжскимъ городамъ до Казани и долженъ былъ воротиться въ Москву, къ манѣврамъ, и въ Петербургъ, чтобы встрѣтить невѣсту. Теперь вѣроятно встрѣчи эти совершились со всею императорскою пышностію. А между тѣмъ во всѣхъ магазинахъ, въ 50-ти различныхъ позахъ, разсыпаны большіе и малые портреты принцессы, присланные изъ Даніи (Петерсена) и Петербурга.

Вотъ и новый приговоръ верховнаго суда о 34 подсудимыхъ, Ишутинъ, Ермоловъ, Худяковъ и др. И опять ничего понять нельзя: такъ отрывочно изложеніе, такъ ничтожны личности и такъ произвольны

наказанія. Можетъ-ли быть, чтобы эти студенты университета и Петровской Академіи, несовершеннолѣтніе дворяне и церковники, чтобы школьники эти стояли во главѣ переворота и чтобы даже эти школьники приступили къ исполненію своихъ замысловъ, выраженныхъ такъ неопредѣленно, теоретически и безъ приготовительныхъ мѣръ и назначеній? Могли они быть наэлектризованы, чтобы беспокоить и пугать общественное мнѣніе и спокойствіе, да, но участниками они быть не могли: они, безъ имени и положенія, могли компрометировать самый переворотъ, если бы онъ удался. Они могли играть въ реформаторы и заговорщики; серьезно приступить къ перевороту они не могли и не имѣли никакихъ средствъ. Каракозовъ очевидно изъ ихъ среды, но онъ рѣшился на покушеніе не въ слѣдствіе ихъ рѣшенія (это видно и изъ ихъ показаній), а развѣ по подговору нетерпѣливаго распорядителя въ Петербургѣ. Вотъ этого распорядителя-то не видно.

Какъ въ обществѣ (даже въ лучшихъ кругахъ), такъ и въ печати (даже въ лучшихъ ея органахъ) выраженіе мнѣній, порицаній и восхваленій выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Я приписывалъ и приписываю это крутымъ, радикальнымъ реформамъ, предпринятымъ безъ постепенности и хорошей подготовки. Не говоря о крестьянскомъ освобожденіи, въ которомъ интересы двухъ сторонъ противустали вразрѣзъ и имѣли огромное вліяніе на социальныя, семейныя и личныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, я долженъ однако сказать, что противоборство это начинаетъ примиряться и сглаживаться, хотя послѣдствія для настоящаго поколѣнія останутся неизгладимыми. Я особенно долженъ указать на столкновеніе судебной реформы со старыми порядками. Подготовкою къ судебной реформѣ были двѣ мѣры: 1, Правила 11 Октября 1865 г. и 2, Свобода печати. Правила 11 Октября дѣйствуютъ недавно; свобода печати, хотя дѣйствительно узаконена въ Сентябрь 1865 г., но она существуетъ съ 1856 и постепенно усиливалась сама собою, слабостію высшей власти и бездѣйствіемъ оробѣвшей и напуганной администраціи. Но вліяніе печати въ Россіи едва только водворяется и до сихъ поръ очень ограничено. Движенія у насъ много, но двинуть массу народонаселенія такой Имперіи есть задача сверхъ силъ человѣческихъ. Тѣмъ не менѣе въ частныхъ кружкахъ и высшаго общества безпрестанно слышишь жалобы на новый порядокъ, вызываемыя старыми привычками. Общее неудовольствіе на безапелляціонность мировыхъ судей. Здѣсь княгиня Софья Долгорукая ропщетъ на вызовъ ея, какъ свидѣтеля, по требованію модистки, въ ряды мужиковъ и салонницъ, съ продержаніемъ 2¹/₂ часовъ при разборательствѣ не касающихся ея разныхъ дѣлъ довольно грязнаго содержанія. Тамъ прокуроръ находить, что частный, полковникъ Дренякинъ, разбиравшій,

въ присутствіи части, претензію извозчика и оскорбленный отвѣтчикомъ, былъ оскорбленъ не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, ибо претензіи принадлежатъ мировому вѣдомству. А вотъ генералъ Загорянской претендуетъ на судебного слѣдователя за неуваженіе его генеральскаго чина. Докторъ Лавровскій вызванъ съ женою и, кажется, съ дочерью по жалобѣ кучера-солдата, не имѣвшей никакого основанія. Претензій много, но онѣ улягутся и отъ публичнаго суда, и отъ свободы печати надобно ожидать (и не въ дальнемъ будущемъ) самаго дѣйствительнаго вліянія на очищеніе и облагороженіе нашей частной и уличной жизни, въ которой, надобно сознаться, много беспорядковъ и грязи. Особенно сильно ропщутъ на новые суды мои почтенные сослуживцы генералы, сенаторы, чаящіе, при напорѣ новыхъ волнъ, увольненія съ пенсіей. Они кричатъ и кричатъ громко, такъ что начали ходить даже учащенные слухи объ ограниченіи демократическаго направленія судебныхъ новыхъ учрежденій подчиненіемъ ихъ исполнительной власти въ видѣ временной пріостановки рѣшеній, впредъ до пересмотра въ высшей инстанціи. Мудренаго ничего нѣтъ; пожалуй, и ограничатъ. По моему мнѣнію главный недостатокъ заключается въ томъ, что личный составъ, особенно прокурорскаго надзора, слишкомъ молодъ. Молодежь щеголяетъ новизною и тщеславится превосходствомъ своего положенія, раздражая тѣмъ приниженные старые порядки и не внушая общаго довѣрія къ порядкамъ возникающимъ.

Торжествамъ въ Пруссіи нѣтъ конца. Блестящая кампанія имѣла колоссальные результаты и идетъ какъ по маслу. Нѣмецкая имперія, Нѣмецкое могущество слагается само собою, быстро и крѣпко. Но все это до поры и до времени. Пруссія, знавшая внутреннія и финансовыя затрудненія Россіи и Франціи, позволяла себѣ дѣйствовать *per fas et nefas*. Она измѣнила карту Европы, безъ всякихъ переговоровъ съ Европою, признавъ упраздненіе и преобразование Германскаго Союза дѣломъ Нѣмецкимъ, предметомъ домашнимъ, внутреннимъ. Международное право игнорировано. Ручательства Вѣнскихъ трактатовъ устранены самовластно. Конечно, сильное нынѣ начало національностей много измѣняетъ дѣйствующія начала международнаго права; но начало народностей, доведенное до логической послѣдовательности, требуетъ распада Австріи и Турціи и возстановленія Польши. Оправившись и собравшись духомъ, Наполеонъ и Россія не допустятъ, чтобы карта Европы измѣнялась одностороннимъ образомъ, или допустятъ?

Въ виду уже имѣется протестъ Ганноверскаго короля. Протестовалъ и Франкфуртъ. Чтò отвѣтять подписавшія и ручавшіяся державы? Надобно замѣтить и то, что нынче время вовсе не законности и права, а силы и успѣха. Противодѣйствіе Пруссіи чрезвычайно усилить ее

въ Германіи. Нѣмцы соединятся всѣ и плотно примкнутъ къ Пруссіи. Уже и теперь голоса въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ требуютъ по крайней мѣрѣ военной конвенціи. Единство образовалось. Оно увлечетъ дальше, и независимость Нѣмецкихъ королевствъ будетъ скоро мнимая. Противодѣйствіе Пруссіи не поможетъ Ганноверу, но повредитъ и Саксоніи, и Дармштату, и Баваріи, и Вюртембергу. Разумѣется, Германіи противъ Франціи и Россіи не устоятъ; но разумѣется и то, что и этимъ державамъ единства Германіи не разрушить. Оно готово было завершиться и безъ Бисмарка. Бисмаркъ зорко прозрѣлъ это и счастливо воспользовался. Опасность Пруссіи въ развитіи демократіи и социализма.

22 Сентября статсъ-секретарь Гагемейстеръ писалъ мнѣ, что перенесенное въ судебную палату дѣло Жуковского и Пыпина „Вопросъ молодому поколѣнію“, условлено разрѣшить въ видахъ министерства. Я не повѣрилъ, я не желалъ вѣрить. Сейчасъ получилъ „Судебный Вѣстникъ“, гдѣ описано засѣданіе Палаты 4 Октября и условленное рѣшеніе Палаты, которая, основываясь на 1040 ст. Уложенія, осуждаетъ обоихъ къ аресту на 3 недѣли и къ штрафу въ 100 р., находя ихъ виновными въ противной благопристойности брани относительно лицъ дворянскаго сословія. Замѣчательное рѣшеніе! Во первыхъ, ихъ никто въ этомъ не обвинялъ; во вторыхъ, прокуроръ штрафа не требовалъ, и судъ его не опредѣлялъ. По протесту наказаніе усилено, но протестъ объ этомъ не просилъ. Въ третьихъ, какая же это неблагопристойная брань? Очевидно, что рѣшеніе условлено, и рѣшеніе неправильно. Московскій прокуроръ Ланге перемѣщенъ. Перемѣщенъ и г. Панафинъ, признавшій статью неоскорбительною. Остается обратиться къ кассациі, и департаментъ вѣроятно напутаетъ не менѣе. Я прямо бы кассировалъ, объяснивъ, что здѣсь не непристойная брань, а просто опозореніе дворянскаго сословія. Впрочемъ текста приговора палаты еще нѣтъ. Посмотримъ текстъ.

Я прочелъ и вторую часть Гизо: *Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne* (слѣдовало бы прибавить *en France*). Вторая часть лучше первой, ибо содержитъ много историческаго и личнаго, но слаба, жидка и поверхностна. Оптимистъ довѣряетъ болѣе своимъ старческимъ надеждамъ, нежели осторожной оцѣнкѣ фактовъ и болѣе чувствуетъ, нежели убѣждаетъ. Начавъ съ конкордата Наполеона и „Генія Христіанства“ Шатобриана, онъ довольно увлекательно рассказываетъ попытки Лямене и Монталамбера и довольно неожиданно переходитъ къ протестантской церкви въ католическомъ королевствѣ, которой онъ приписываетъ непомѣрное съ ея численностію вліяніе, и представителей которой онъ превозноситъ до почестей апостольскихъ. За эту главою (*le réveil chrétien en France*), лучшею и главною во

всей книгѣ, слѣдуютъ шесть главъ о разныхъ системахъ; отъ *спиритуализма*, основаннаго будто Ройе-Коляромъ, *раціонализма*, измелчившаго возвышеннаго чувства человѣка, *позитивизма*, основаннаго полусумашедшимъ Огюсть-Контюмъ, *пантеизма*, выразившагося въ Спинозѣ и Гегелѣ, *материализма*, въ которомъ онъ замѣчаетъ съ Ремюзà какую-то заманчивость и для котораго главнымъ судьбою выставляется Damiron: Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle, и наконецъ до *скептицизма*, гдѣ опять восхваляется Ройе-Коляръ. Всѣ эти критическія обзоренія очень коротки и большою частію содержатъ выписки и выдержки. Послѣдняя глава l'impieété, l'insouciance et la perplexité написана съ чувствомъ, но она противорѣчитъ надеждамъ первой главы. Неудача „Размышлений“ Гизо происходитъ отъ того, что онъ самъ, какъ протестантъ, видитъ въ вѣрѣ или церкви или пищу человѣческаго ума, т. е. науку, или орудіе порядка, т. е. политику. Но книга читается легко и читается даже дамами.

Вотъ и у насъ возникаютъ процессы печати. Пыпина и Жуковскаго еще не кончился; Каткова еще не начался. Министръ требуетъ подвергнуть его отвѣтственности за напечатаніе сдѣланнаго предостереженія (въ Апрѣлѣ), а окружный прокуроръ, даровитый Ланге, потребовалъ высочайшаго повелѣнія, которымъ прежней редакціи дозволено продолжать изданіе вѣдомостей. Прокуроръ перемѣщенъ въ члены Палаты. Предсѣдатель (по дѣлу Жуковскаго) Панафидинъ тоже перемѣщенъ въ члены палаты. Теперь преданы суду издатель „Архива“ Бартенева за названіе Дибича „всемогущимъ“, и Дмитрій Писаревъ за материализмъ. Эта гласность преній, эти столкновенія болѣе вредятъ дѣлу и расшатываютъ власти, нежели приносятъ пользу печати и порядку. И на Западѣ, гдѣ есть единство министерства и въ судахъ преобладаетъ начало законности и охраненія, преслѣдованіе печати имѣетъ тысячи неудобствъ. У насъ эти тысячи усугубляются. Министръ съ другимъ министромъ не сходятся въ воззрѣніяхъ. Прокурорскій надзоръ и суды любятъ популярничать и либеральничать. Печать, выражая невольную и необходимую реакцію старымъ порядкамъ, закусилъ удила. Еще съ 1862 г. я говорилъ и писалъ министру Валуеву, что при двойственности министерскаго завѣдыванія, судебное преслѣдованіе не можетъ быть достаточнымъ огражденіемъ устава о печати. Она должна имѣть свой трибуналъ, въ которомъ вѣрнѣе были бы обезпечены интересы общества и правительства и интересы литературы и литераторовъ. „Совѣтъ по дѣламъ печати“, составленный изъ членовъ отъ правительства, изъ членовъ отъ академій и университетовъ и изъ членовъ отъ журналистовъ, типографчиковъ и книгопродавцевъ, соединялъ бы въ себѣ, не завися отъ министра, лучшія гарантіи, нежели допускаемый нынѣ порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности.

Управляющій межевымъ департаментомъ, приготовляя представленіе о межевой реформѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою о сообщеніи ему моихъ соображеній и замѣчаній. Я послалъ ему сегодня краткія замѣчанія. Генераль Геденовъ предполагаетъ значительно увеличить и расширить составъ межеваго управленія, учредя во всѣхъ губерніяхъ межевыя палаты, предоставя этому вѣдомству часть судебной власти и т. п. Я увѣдомилъ его, что по моему мнѣнію съ межевymi учрежденіями, какъ съ старыми судебными учрежденіями, слѣдуетъ поступить на общемъ основаніи: постепенно сокращать и наконецъ упразднить. За межевою частію остается только: приготовленіе экспертовъ или землемѣровъ и храненіе межевыхъ документовъ. Приготовленіе экспертовъ потребуеть 2 или 3-хъ класснаго заведенія собственно и спеціально для образованія землемѣровъ, а вовсе не ученыхъ инженеровъ и астрономовъ, а межевые документы, какъ юридическіе акты, должны быть распредѣлены по окружнымъ судамъ, при которыхъ должны состоять 2 или 3 хранителя изъ землемѣровъ. Нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ межеваго управленія; у насъ оно выродилось изъ другаго института и развилось до размѣровъ отдѣльнаго, обширнаго министерства. Виною этого увлеченіе и кредитъ покойнаго М. Н. (графа) Муравьева. Принявъ межевую часть довольно въ скромномъ видѣ послѣ сенатора Пейкера, Муравьевъ увеличилъ ея составъ учрежденіемъ военнаго межеваго корпуса, и ввелъ разнообразныя занятія, вовсе къ землемѣрному дѣлу не относящіяся. Тогда межеванье и землемѣры въ губерніяхъ были въ самомъ жалкомъ положеніи; межевые офицеры занимались интегралами, астрономіей, дѣлали военныя съемки, опредѣляли широту мѣстностей и составляли стратегическіе атласы. Я рѣдко кого видѣлъ, кто бы такъ увлекался въ управленіи, какъ этотъ могущественный практическій умъ, видѣвшій въ дѣловой дѣятельности лучшее наслажденіе и въ своеобразныхъ реформахъ своего рода поэзію. Я не знаю, какъ взглянуть выше на межевое преобразование. Я совершенно убѣжденъ, что оно вышло изъ предѣловъ своего назначенія и самую собственно-межевую свою дѣятельность получало отъ суетливаго правительственнаго вмѣшательства, которому пора бы немножко и пріостановиться. Землемѣры наши только плодили кляузы и тяжбы и дѣлали это и путали земледѣліе явно въ корыстныхъ видахъ. Надобно надѣяться, что публичный судъ положить этому конецъ.

Увольненіе генерала Кауфмана надѣлало много шуму и толковъ. Выборъ преемника ему въ лицѣ графа Эдуарда Баранова никѣмъ не одобряется. Оффиціальныя газеты сочли долгомъ сдѣлать оговорку объ этомъ увольненіи, имѣя въ виду намѣстничество въ Галиціи Галицкаго Велепольскаго, т. е. гр. Голуховскаго. Газеты прямо заявляютъ, что си-

стема политики и управленія нисколько не измѣняется. Я нахожу главный недостатокъ именно въ этой системѣ. Муравьевъ усмирить крамолу исключительными и суровыми мѣрами. Эта исключительность и суровость (несправедливость) продолжаютъ, вотъ и вся система. Никакой прямой, ведущей къ цѣли мѣры не предпринято для сближенія, отождествленія края.

Двѣ особенно мѣры предложилъ бы я правительству: основаніе Русскаго университета (но совершенно Русскаго) и введеніе судебной реформы. Это такъ бы развило Русскую рѣчь, что скоро Польскіе звуки слышны были бы развѣ только въ семейномъ кружкѣ. Второстепенныя мѣры: казенныя бесплатныя школы, православіе, какъ непремѣнное условіе государственной службы и улучшеніе служащаго (и духовнаго) класса. Да предложилъ бы я еще: болѣе справедливое, не такъ безцеремонное обращеніе съ людьми и собственностію. Принудительная продажа и поощрительная покупка имѣній есть мѣра революціонная, диктаторская. Она раззорить, не привлека ни новыхъ людей, ни капиталовъ. Правительство наше всегда отличалось непоследовательностію. За чтѣ уволенъ Кауфманъ? Какая инструкція дана гр. Баранову? Какъ измѣняются Ост-зейскіе порядки? На долго-ли удержатся новые правители? Едвали. Радикально-реформаторское время стираетъ людей скоро. Если справедливо, что увольненіемъ Кауфмана начинается реакція и что, напуганный Апрельскими заговорщиками, дѣйствія и распространеніе которыхъ Муравьевъ представилъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, Государь непрочъ ограничить свободу и цензуры, и суда: то конечно трудно и держаться людямъ и порядкамъ.

Между тѣмъ какъ Московскія дамы возбуждаютъ вопросъ о торжественномъ выраженіи своего Русскаго сочувствія Славянамъ, а Чижовъ, Аксаковъ и купечество думаютъ основать большую газету „Москва“ для служенія ихъ же дѣлу, изъ Петербурга приходятъ совершенно другія вѣсти: тамъ, говорятъ, Польская партія поднимаетъ голову, это первое; а министръ финансовъ требуетъ огромнаго сокращенія государственныхъ расходовъ и непремѣннаго уравниванія ихъ съ доходами. По одному Морскому Министерству сокращеніе простирается до 5 милліоновъ, по военному до 14 (?), по управленію финансовому до 2 и Государственныхъ Имуществъ до 1¹/₂, и проч. Хотятъ приступить къ образованію запаснаго военнаго капитала. Лучшая изъ послѣднихъ мѣръ, это—прекращеніе заказовъ за границей и исполненіе этихъ заказовъ внутри имперіи, хотя бы по возвышеннымъ цѣнамъ. Это конечно увеличить нашу производительность и промыслы, но не вздрожитъ-ли операціи? Рельсы и подвижной составъ изъ нашихъ мате-риаловъ ускорятъ ли устройство желѣзныхъ дорогъ? Сомнѣваюсь.

Я прочелъ два сочиненія о Датской королевѣ Каролинѣ-Матильдѣ, сосланной въ Целль (Celle) за нарушение брачнаго союза съ королемъ Христианомъ VII, и окончательно убѣждаюсь, что она виновата. Предполагають, что король желалъ развода, а дамская партія—высылки Англичанки, внаушили Струензе, за сохраненіе жизни, вмѣшать королеву; а королевѣ обѣщали, за подтвержденіе показанія Струензе, уменьшить наказаніе любимому ею графу. Здѣсь должно замѣтить: 1, Оговорилъ королеву не Струензе, а ея собственныя фрейлины, камеръ-юнкеры и лакеи. 2, Сколько нужно подлости оговорить невинную женщину, да и королеву, и какъ легко доказать несостоятельность такого обвиненія. 3, Обманутый въ обѣщаніи, развѣ Струензѣ не протестовалъ бы противъ собственнаго, ложнаго, вынужденнаго обвиненія? 4, И при виновности королевы, только страстная, слѣпая и безграничная любовь могла заставить женщину сознаться въ своемъ увлеченіи, но при невинности, ни для какой цѣли королева-женщина не могла рѣшиться жертвовать самымъ драгоценнымъ достояніемъ для смягченія наказанія не мужу и не сыну, а постороннему человѣку. Чего достигли и тотъ, и другой, нагавши на себя и другъ на друга? И почему королева не огласила свою невинность, живя на свободѣ въ Целле и интригуя съ Шлезвигъ-Голштинскою партією, при помощи Англичанъ, чтобы снова достигнуть Датскаго престола? Письмо въ газетахъ, появившееся послѣ ея смерти, ничего не доказываетъ, точно такъ же какъ и слова, сказанныя пастору передъ смертію. Мы знаемъ ихъ не отъ самаго пастора, а отъ пріятеля, записавшаго сообщеніе пастора два года послѣ событія. И Каролину, королеву Англійскую, можно считать невиновною? Но факты говорятъ яснѣе предположеній. Обвиняли Марію-Аннтоанетъ, но фактовъ не нашлось, и до сихъ поръ обвиненіе не подтвердилось, и несчастная мученица прибавляетъ къ своему вѣнцу и торжество честной жизни. Процессъ Королины-Матильды, обвинительные акты и допросы оригинальны до смѣшнаго. И въ прелюбодѣянніи они видятъ—*crimen laisai majestatis*.

Жена занемогла опасно. Она желаетъ отслужить молебенъ и причаститься. И причаститься? Вотъ и молебенъ былъ, и причастилась. Кажется, смотреть пояснѣе. Не скажу, чтобы это озабоченное состояніе поглощало меня. Я много читаю и занимаюсь дѣлами (болѣе нужно въ этомъ, такъ дурно организованномъ, Сенатѣ), но меня это изнуряетъ, расслабляетъ и умаляетъ. Я это чувствую и вижу.

„Взглядъ на мою жизнь“, Записки д. т. с. Ив. Ив. Дмитріева, изданныя его племянникомъ Мих. Дмитріевымъ“. Онъ родился въ 1760 г. и скончался въ 1837 г. Онъ былъ сержантомъ, капитаномъ гвардіи, товарищемъ министра удѣловъ, оберъ-прокуроромъ, сенато-

ромъ и наконецъ министромъ юстиціи. Но прежде всего онъ былъ Гораціанскимъ поэтомъ съ самаго дѣтства до старости. Онъ умеръ 77 лѣтъ. Онъ любилъ природу, виды, цвѣты и деревья. Онъ постоянно стремился къ покою, независимости и вольному труду. Въ любимомъ уединеніи своемъ, изъ садовой бесѣдки, изъ прогулки окрестной онъ выставлялъ на свѣтъ поэтическія картинки, превосходной отдѣлки, полныя наблюдательности и большею частію съ преобладающимъ направлениемъ сарказма и сатиры. Другъ и ученикъ Карамзина, онъ былъ открытымъ его почитателемъ; философъ, въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не искалъ и дорожилъ своею независимостію, онъ былъ Эпикуреецъ, и съ этой холодною натурою онъ достигъ всего безъ всякихъ усилій. Онъ былъ бы еще болѣе замѣчательный писатель, съ болѣшимъ творчествомъ нежели Жуковскій, если бы не случайность, при вступленіи на престолъ Павла I, которая поворотила его дѣятельность на служебное поприще. Какъ невинно заподозрѣнный, по ничтожному безъимянному доносу, онъ былъ арестованъ, потомъ оправданъ и попавловски награжденъ: онъ, отставной полковникъ, назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ, *черезъ нѣсколько дней* товарищемъ министра удѣловъ, *а мѣсяца черезъ три* оберъ-прокуроромъ Сената. Воображаю я, каковъ былъ оберъ-прокуроръ этотъ, воинъ и поэтъ тогдашняго времени канцеляризма и взяточничества! Въ Павловскую исторію узналъ его Александръ, которымъ въ послѣдствіи онъ назначенъ былъ сенаторомъ и министромъ юстиціи. Достаточно прочесть третью часть Записокъ, чтобы видѣть, какъ дѣйствовалъ министръ и какъ развязно обращались съ нимъ Сперанскіе и Молчановы. Управление и задача государственнаго таланта заключаются главнѣйше въ „письмоводствѣ“. Онъ удивляется обширнымъ познаніямъ въ письмоводствѣ Сперанскаго, которому подобнаго онъ видѣлъ только въ А. В. Храповицкомъ. Онъ удивлялся, какъ Сперанскій, выйдя изъ кабинета отъ доклада, присядетъ въ секретарской комнатѣ и начнетъ писать рескрипты и указы, точно онъ ихъ наизусть знаетъ прежде. Это мнѣ напоминаетъ того невзыскательнаго путешественника, въ исторіи Маколе, который, желая выставить обширность Лондона, писалъ, что куда ни взглянешь, вездѣ все домъ и домъ.

Записки довольно безцвѣтны для нашего времени. Онѣ бѣдны и литературными сообщеніями для лица, бывшаго другомъ лучшихъ представителей эпохи. Они еще бѣднѣе въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Написаны и исправлены тщательно, но не безъ ошибокъ и обмолвокъ, впрочемъ очень неважныхъ. Есть страницы теплыя и исполненныя благородныхъ чувствъ, но вообще мало задушевности, и по краткости своей не оставляютъ глубокаго впечат-

лѣнія, не привязываютъ и не знакомятъ ни съ авторомъ, ни съ людьми, ни съ эпохой.

Къ особенностямъ нашего времени относится множество дѣлъ объ оскорбленіи служащихъ и помѣщеніи оскорбительныхъ выраженій въ бумагахъ. Щекотливость необыкновенно чувствительная, придирчивость, напоминающая лучшія времена крючковыхъ и приказныхъ. Здѣсь впрочемъ есть и своя хорошая сторона, и радикальность реформъ привела къ такому невоздержанію въ выраженіяхъ, что брань слышишь и въ порядочныхъ кружкахъ и въ солидныхъ органахъ печати. Пора начать умѣрять скорое слово порицанія и неучтивства. Желательно бы распространить это прещеніе и на уличныя, матершинныя изліянія, которыя такъ обыкновенны въ нашемъ простомъ народѣ. Мнѣ кажется, прогулки мировыхъ судей, съ цѣпью ихъ, по улицамъ въ городахъ и по торжищамъ въ селеніяхъ много способствовали бы облагороженію народныхъ разговоровъ. Это могло бы имѣть вліяніе и на искорененіе другаго безобразія на улицахъ и торжищахъ: пьянства, пьянства до ризъ положенія и безчувственнаго погруженія. Въ уголовныхъ дѣлахъ безпрестанно слышишь отвѣтъ подсудимаго: „не помню, не знаю какъ случилось, я былъ выпимши и пьянъ совершенно“. Къ этому явленію начинаетъ прививаться и другое, печальное: временное помраченіе разсудка. Едвали судебная медицина какой нибудь другой націи представляетъ столько случаевъ невмѣняемости дѣяній по причинѣ скоропреходящаго помѣшательства. Авось лучшая уголовная статистика новыхъ судовъ дастъ правильныя основанія и вѣрныя данныя къ изученію этого важнаго предмета.

Надо предполагать огромный запасъ ненависти къ Великому Князю Константину, чтобы объяснить тѣ слухи, рассказы и сплетни, которые ходятъ о немъ и о женѣ его въ разныхъ кружкахъ Московскихъ, и при томъ не тайкомъ, а гласно и съ какою-то злорадостію. По дѣлу Каракозова и Ишутина сенаторъ Муравьевъ, со словъ прокурора Стодольскаго (очевидца) рассказывалъ, что при передопросѣ въ верховномъ судѣ преступники прямо объявляли, что они принадлежали къ организаціи *Константиновскаго* тайнаго общества; что есть записки, въ которыхъ о замыслѣ на покушеніе 4 Апрѣля говорится: „ты знаешь, какъ это будетъ пріятно К.“ Подъ этой буквой разумѣлся Константинъ. Розсказы сенатора Казначеева о сценахъ въ Крыму, въ 1862, тоже изукрашены.

Ноябрь. Къ числу празднествъ по случаю свадьбы Наслѣдника должно отнести и поѣздку въ Москву Англійскаго и Датскаго кронпринцевъ и двухъ принцевъ Саксонскихъ. Они впрочемъ не очень интересовались старою столицею Московіи. Пріѣхавъ въ часъ 3-го,

они уѣзжаютъ сегодня, 4 Ноября, вечеромъ. На желѣзной дорогѣ они проведутъ столько же. Довольно скоренько, но довольно кавалерски. Они осмотрѣли, разумѣется, очень бѣгло, наши достопримѣчательности, пользовались большою свободою въ прогулкахъ на извозчикахъ и были у Филарета. Старецъ просилъ принца Уельскаго убѣдить *матушку* заявить сочувствіе восточнымъ христіанамъ. Принцъ отвѣчалъ, что *Англія* принимаетъ къ сердцу распространеніе христіанства повсюду. Какъ неумѣстна была просьба старика, такъ ловко данъ былъ отвѣтъ принцемъ. Генераль-губернаторъ угощаетъ принцевъ обѣдомъ и Цыганами. Я видѣлъ ихъ у Даціаро, въ магазинѣ эстамповъ, гдѣ они выбирали виды Москвы. Всѣ они молоды, лѣтъ 20—24, немножко торопливы. Альбертъ Эдуардъ малъ ростомъ, но замѣчательно хорошъ собою. Изъ нашихъ принцевъ не было никого. Не было и Прусскаго. Добрякъ этотъ, говорятъ, очень хорошо держалъ себя въ Петербургѣ и показалъ много искательства дружбы принца Уельскаго. Говорятъ, что идетъ рѣчь о бракѣ Датскаго принца съ одною изъ Прусскихъ княженъ. Какъ ни ослабли династическія связи, но онѣ еще существуютъ и имѣютъ свое вліяніе. У насъ онѣ положительно сильны.

Опять заемъ, заемъ внѣшній „для уплаты процентовъ по внѣшнимъ займамъ“. Замѣчательно! Мы не въ состояніи платить проценты по внѣшнимъ займамъ и должны ихъ увеличивать. Заемъ, правда, небольшой, 6 мил. фунт., около 40 мил. рублей; не важность, но важно назначеніе. Я не совсѣмъ вѣрю этому назначенію, ибо, по моему убѣжденію, оно невысказано, если не признавать ребяческими всѣ дѣйствія министра финансовъ. Оно невысказано и по тому довѣрію, которое при этомъ займѣ оказано намъ лучшими банкирскими домами, Гоппе и Берингъ. Вѣрнѣе, что предчувствуютъ, предвидятъ возможность войны. Война дѣйствительно нужна. Упраздненіе Вѣнскихъ конгрессовъ и вообще трактатоваго права и господство началъ національностей требуютъ передѣлки Европейской карты, и едвали Наполеонъ III не рѣшилъ этого въ своемъ умѣ. Тогда нашъ заемъ найдетъ оправданіе, ибо въ случаѣ войны занимать дорого. Но все таки заемъ, и небольшая цифра его приближаетъ насъ къ двумъ миллиардамъ франковъ при постоянныхъ дефицитахъ, при упадкѣ курса и при ослабѣвающей производительности.

Замѣчательно, что убѣжденіе о мотовствѣ правительства проникло и распространяется не только въ публицистикѣ, но и въ народѣ. Подати Муравьевымъ и Рейтерномъ очень возвышены. На дняхъ представлено намъ дѣло о Вятскомъ крестьянинѣ, который на ссудкѣ о недоимкахъ, при разговорѣ о покушеніи 4 Апрѣля, выразился такъ: напрасно не пристрѣлили его; онъ первый мотъ, все мотовство отъ

него. Подати страшныя; прежде платили 5 или 6 рублей ассигнаціями, а теперь 3 и 4 серебромъ. Толки Москвы о роскоши и мотовствѣ правительства и особенно двора и особенно по поводу настоящихъ празднествъ общіе и громкіе. Объ этомъ говорятъ и пишутъ, кричатъ и печатають. Такъ шагъ за шагомъ мы идемъ къ катастрофѣ, заключаютъ Московскіе пессимисты.

Развитіе судебной реформы идетъ своимъ порядкомъ и дѣйствуетъ хорошо; но едва ли министры понимали и предвидѣли всѣ послѣдствія независимаго суда, всю важность его, особенно посреди разныхъ управленій, избалованныхъ безотвѣтностью. Нѣкоторыя ошибки, довольно важныя (напр. прекращеніе дѣла Люминарскимъ, когда прокур. Костылевъ отказался поддерживать обвиненіе, хотя судебное изслѣдованіе было закончено и присяжные признали виновность, и второе: дѣло о ранахъ Вагонта, отъ которыхъ приключилась ему болѣзнь и смерть, прекращено за неподачею прошенія и др.) показываютъ, что личный составъ не доказываетъ ни знанія, ни еще менѣе опытности. Но это бы еще ничего. Министры не могутъ переварить независимость суда. Столкновенія безпрестанныя, особенно съ Главнымъ Управленіемъ печати. Уже оправданіе „вопроса молодого поколѣнія“ заставило идти Министерству на сдѣлку съ Палатою. Принятіе къ своему разсмотрѣнію дѣла объ арестѣ книги профессора Сѣченова представляется явнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла управленія, а задержаніе почтовыхъ каретъ угрожало перерывомъ почтовыхъ сообщеній. Въ Москвѣ, въ слѣдственной комисіи производилъ дѣла о нигилисткахъ стряпчій Павловскій. По ходатайству генераль-губернатора его назначили членомъ Окружнаго Суда. Когда онъ принялъ присягу, предсѣдатель пригласилъ его принять участіе въ занятіяхъ суда; но онъ отвѣчалъ, что, будучи такъ много обязанъ его сіятельству, онъ получилъ мѣсто съ тѣмъ условіемъ, чтобы докончить дѣла о нигилисткахъ. Ему доказывали, что званіе судьи несовмѣстно ни съ какими иными занятіями. Павловскій съ особенною увѣренностію отразилъ: помилуйте, мнѣ въ такомъ смыслѣ дано и предписаніе отъ министра. Это превысило мѣру терпѣнія молодыхъ ареопагитовъ, и они рѣшились начать противъ Павловскаго дисциплинарный судъ. Я совѣтовалъ имъ воздержаться отъ этой мѣры, которая въ сущности относилась бы къ кн. Долгорукому и Замятнину, а для выясненія своего положенія въ Петербургѣ описать все какъ было и предполагалось чрезъ прокурора Палаты Ровинскаго. Надобно опасаться, чтобы эти столкновенія и заносчивость молодежи, особенно въ настоящее время послѣ рескрипта 13 Мая и положенія Комитета Министровъ 22 Юля (о власти губернаторовъ) не привели къ какимъ-нибудь ограниченіямъ тѣхъ важныхъ ручательствъ,

на которыхъ основывалась надежда на водвореніе у насъ хорошаго, настоящаго суда.

Сегодня, 1 Декабря, празднуется юбилей Карамзина. Полезно во всѣхъ отношеніяхъ оживлять и утверждать въ сознаниіи и памяти народовъ имена великихъ дѣятелей на всякомъ поприщѣ народнаго развитія. Эти праздники окрыляютъ таланты и ободряютъ общество, давая ему увѣренность въ своихъ нравственныхъ силахъ и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ. Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, праздновались юбилеи Данту, Шекспиру и Шиллеру, тремъ всемірнымъ великимъ поэтамъ. У насъ—Ломоносову и Карамзину. Для Россіи это дѣйствительно замѣчательные люди, особенно Ломоносовъ. Но полубоги-ли они, гиганты-ли, гении-ли они, великіе-ли дѣятели они? Кто ихъ знаетъ? Ломоносова еще зналъ Эйлеръ. А Карамзинъ? Карамзинъ замѣчательнъ не какъ поэтъ, не какъ ученый, а какъ человѣкъ. Достаточно прочесть письма Дмитріева и Жуковскаго, всѣхъ сколько нибудь знавшихъ Карамзина, чтобы понять всю возвышенность этой прекрасной души, всю обаятельность жизни, бесѣды и чувствъ этого благороднаго человѣка. Вотъ, я думаю, въ этомъ кругу юбилей Карамзина на мѣстѣ. Но юбилей общій, Всероссийскій, едва ли не будетъ продолженіемъ „исканія именъ“, начавшагося съ свободою печати, довольно праздной, и манифестаціей Русской національности, особенно шумливо отстаивающей права свои послѣ Польскихъ происковъ и подавленія бунта.

По многимъ отзывамъ должно думать, что Карамзинъ считалъ важнымъ подвигомъ „Исторію Государства Россійскаго“. Она дѣйствительно подвигъ труда, проницательности и спеціальной учености. Русская исторія сдѣлала огромный шагъ. Литература приобрѣла превосходный памятникъ. Но въ исторіи Соловьева еще болѣе научности, и она доведена до половины 18 стол. Такъ неужели и г. Соловьеву будетъ юбилей? Довольствоваться небольшимъ величіемъ, возводя его на степень равную истиннымъ, настоящимъ героямъ науки и поэзіи, не унижаетъ-ли достоинство великой націи и не оскорбляетъ-ли самыя благородныя личности? Шекспиры, Данты, Шиллеры,—это учителя и воспитатели человѣчества, которое имъ славно и ими гордится.

Слухи изъ Петербурга въ пользу реакціи. Замѣщеніе Милютинна (энергичнаго и опредѣленнаго до рѣзкости) Дм. Набоковымъ (нерѣшительнымъ и неопредѣленнымъ) указываетъ только на то, что людей нѣтъ. Коробить и стираетъ ихъ тяжкое быстрыми реформами время. Реакція слышится въ просвѣщеніи и въ бюджетѣ. Въ просвѣщеніи надѣются усилить власть попечителей и установить дисциплину въ юношествахъ. Бюджетъ хотятъ привести къ равновѣсію и отдѣлать государственныи банкъ отъ Министерства Финансовъ, слишкомъ свободно

черпающаго изъ него свои ресурсы. Слышно о налогѣ съ доходовъ. Я нахожу, что склонѣ, по которому мы идемъ, склонѣ къ кореннымъ реформамъ, не дозволить ни реакціи, ни пріостановки. Надобно идти и надобно идти скоро, еще скорѣе, нежели теперъ.

Прочелъ я книгу сенатора Егор. Петр. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“. Блудова я зналъ лично и лично имѣю на него претензіи. Это былъ человѣкъ прекраснаго сердца, со свѣтлымъ взглядомъ, съ умомъ просвѣщеннымъ, но вообще человѣкъ довольно обыкновенный. Такихъ людей много. Главный его недостатокъ—это безхарактерность. Второй—это мелочность. Онъ считалъ себя стилистомъ и болѣе содержанія озабоченъ былъ редакціей или изложеніемъ закона или бумаги. Достаточно прочесть его „Мысли и замѣчанія“ въ концѣ книги Ковалевскаго, чтобы составить себѣ понятіе о гр. Блудовѣ. Тутъ желаніе оригинальничать и блеснуть тонкою мѣткостью. Онъ, какъ и Карамзинъ, имѣлъ большую преданность Государю; но у Карамзина она была смѣлая, а у Блудова благоговѣйная и какъ бы прирожденная ко всему царскому семейству. Получивъ довольно поверхностное, Французское воспитаніе, онъ довольно долго занимался пустячками въ Московскомъ Архивѣ и, пойдя потомъ по дипломатической части, пріобрѣлъ и привычки этого поприща: осторожность, взвѣшиваніе выраженій, избѣгая рѣзкости, опредѣленности и даже точности во многословіи и оговоркахъ. Онъ отличался безкорыстіемъ въ службѣ и, какъ и Дашковъ, никогда не участвовалъ ни въ какихъ компаніяхъ, гдѣ царили графы-князья Орловы, Чернышевы, Бенкендорфы, Нессельроды. Между своими собратіями онъ былъ почти ученый и дѣйствительно читалъ и зналъ много и имѣлъ огромную память. Претензіи мои, во первыхъ, за конкордатъ. Это впрочемъ претензія общая, и его порицали даже въ 1847 г., ужъ не говоря о 48 и 60 годахъ. Личная моя претензія въ томъ, что онъ не настоялъ, по моему предложенію, о введеніи Русскаго языка въ Остзейскій процессъ и отказалъ Сенату, по моему же предположенію, во введеніи въ этотъ процессъ общаго Русскаго закона объ апелляціи. Дѣло это напечатано въ I т. Сборника рѣшеній Правит. Сената (1834 г.) подъ № 686. Графъ Блудовъ конечно принадлежалъ къ исторической школѣ, и конечно не я буду порицать его за это, но мало ознакомленный съ наукою права и его философіей, онъ конечно не зналъ важности и послѣдствія государственнаго закона *de non appellando* Здѣсь онъ дѣйствовалъ въ сепаратистскомъ духѣ Остзейцевъ, хотя, я увѣренъ, и любя ихъ (онъ тщеславился Курляндскимъ дипломомъ на дворянство), онъ дѣйствовалъ такъ по незнанію. Другая моя личная претензія, это: Уложеніе 1845 г. Оно такъ мелочно, такъ обилуетъ казуистикой, исполнено столькихъ повтореній,

что разнообразіе въ примѣненіи статей, при всевозможныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ власти и низшаго и высшаго суда, доходило до наглаго произвола.

Я не имѣлъ ни причинъ, ни поводовъ ни любить, ни не любить гр. Блудова и думаю, что сенаторъ Ковалевскій желалъ представить извѣстный періодъ времени (своего), которое онъ и описалъ легко и занимательно, а не графа Блудова, о которомъ онъ говоритъ мало, даже слишкомъ, не находя что сказать и вдаваясь (къ сожалѣнію въ самомъ текстѣ) въ критическія подробности только по случаю обвиненій, взведенныхъ на Блудова Николаемъ Тургеневымъ въ извѣстной книги его: *La Russie et les Russes*. За графомъ Блудовымъ я не признаю ни заслугъ, ни способностей государственныхъ, но признаю и, думаю, всѣ признаютъ за нимъ двѣ государственныхныя ошибки: защиту Остзейскихъ особенностей и конкордатъ 1847 г. Но (повторяю) для него исторія еще не наступила. Въ наше историческое время дѣльцы, какъ графъ Блудовъ и др., совершенно растерялись, какъ растерялись рутинные дѣльцы въ 1835 г. со введеніемъ Свода Законовъ. Я спрашивалъ Заруднаго и Буцковскаго, какимъ образомъ могли они убѣдить графа Блудова и графа Панина подписать такія широкія общія начала судебного преобразованія. Они дали мнѣ изумительный отвѣтъ: „Мы объяснили имъ, что все заимствовано изъ ихъ проектовъ и представленій, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ“. Если это такъ, то самоуничтоженіе ихъ можно объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ гражданскаго мужества. Они не противорѣчили, не смѣли. Я очень хорошо знаю, въ чемъ заключались ихъ проекты и представленія. Когда я предложилъ имъ, въ 1842 г., проектъ закона о подсудности (двѣ инстанціи), они, въ присутствіи сенаторовъ Пинскаго, Данзаса, Капгера и вице-директора Рюмина, прогнали меня сквозь строй.

Между тѣмъ какъ блестящая судебная реформа развивается, а старые суды закрываются, нельзя не обратить вниманія съ грустью и опасеніемъ на состояніе дѣлъ и чиновниковъ въ этихъ старыхъ судахъ. Личный составъ уже и въ Сенатѣ никуда не годится. Но теперь начинаютъ воровать дѣла и продавать документы. Исполняется буквально мое напечатанное (какъ сенатора) мнѣніе. Но куда пойдутъ, какъ устроятся заштатные чиновники заштатной юстиціи? Грустно подумать. Въ безысходномъ положеніи они, вся эта дрянь, находившая пріютъ только въ юстиціи, они пойдутъ воровать, грабить и разбойничать. Они же по большой части народъ пьяный, продажный и на дурныя дѣла склонный. Какъ непрактически вводится это прекрасное преобразование, доказываетъ существованіе въ одно время двухъ правосудій: свалка дѣлъ возами и увольненіе чиновниковъ батальонами.

Не въ одной литературѣ и журналистикѣ, столь долго и крѣпко связанныхъ, не только въ высокихъ обществахъ, приниженныхъ позднѣйшими реформами, замѣчается большое раздраженіе, запальчивость и неосторожное слово порицанія. Тоже замѣчается и въ собраніяхъ думъ, дворянства и земства, милостиво обставленныхъ свободою и самостоятельностью дѣйствій. Въ началѣ своего существованія земство задавалось большими надеждами и много общало. Оно надѣялось на передачу значительныхъ капиталовъ отъ правительства, оно думало искусно обложить многодоходныя статьи производительности и торговли. Въ капиталахъ земство ошиблось, и самыя заведенія сданы ей съ большими изъяснами. Законъ 21 Ноября 1866 г. ограничилъ право земскаго обложенія. Этотъ законъ вызвалъ бурю смѣлыхъ возраженій, особенно въ созванномъ нынѣ Московскомъ собраніи и преимущественно въ рѣчахъ гр. Уварова, кн. Мещерскаго, кн. Щербатова, Мусина-Пушкина и Д. Голохвастова. Эпизоды случались возмутительныя. Сенаторъ Смирновъ ругалъ крестьянъ, гласный Юрій Самаринъ ругалъ дворянъ. Всѣ недовольны, взволнованы и отягощены. Нельзя ожидать предположенныхъ благотѣльныхъ результатовъ отъ этихъ быстрыхъ и радикальныхъ переломовъ. Нельзя ихъ ожидать и потому, что всѣ эти реформы по Европейскимъ образцамъ намъ не по плечу и не по карману.

Исходитъ знаменитый 1866 годъ, когда въ Россіи болѣе и болѣе, посреди свободной печати и свободныхъ судовъ, водворяется и крѣпнеть національное Русское чувство, а въ Европѣ развивается это чувство въ самостоятельныя національныя государства, Итальянское и Нѣмецкое, отодвинувшія на второй планъ Австрію и Наполеона. Зараждается обширная Славянская держава и на Юго-Востокѣ, и въ какихъ-то картахъ исчезаетъ національность Польская. Въ организаціи государственной преобладаютъ общая подача голосовъ и усиленіе, надъ правительствами, народнаго представительства. Все это новые этапы къ республикѣ и социализму. Ожидаемое уничтоженіе свѣтскаго папы, при свободной религіи свободныхъ народовъ, совпадающее съ распространяющимся ученіемъ натуралистовъ и матеріалистовъ, общаетъ измѣнить и самую церковь какъ на Западѣ, гдѣ она слишкомъ сильно независима, такъ и на Востокѣ, гдѣ она совершенно поработана. Увеличеніе бѣдности и преступленій продолжается, но не narosло до той степени, чтобы выразиться переворотомъ, подобно 1848 году, хотя горючіе матеріалы все накаплиются и накаплиются...

Обращаясь со страхомъ и молитвою къ моему великому отечеству, я долженъ, при всѣхъ великихъ и блестящихъ преобразованіяхъ и надеждахъ, заявить и опасеніе за счастливый исходъ этихъ преобра-

зованій и надеждъ. Крестьянское дѣло, въ принципѣ, довершено. Оно распространено и на Царство и частью на Прибалтійскій край. Но возвышеніе податей, высокій выкупъ и земскіе сборы тяжело лежатъ на народѣ и едва ли исполнимы при скудныхъ его средствахъ. А понизить ихъ нельзя, ибо и при нихъ наша государственная роспись постоянно съ недоимками, и для уплаты внѣшнихъ процентовъ мы должны дѣлать новые внѣшніе займы. Неудовольствіе въ народѣ показывается въ ропотѣ земства, которое какъ бы ищетъ случая, чтобы, не открыто сознавая свое безсиліе, отказаться отъ своего назначенія.

Судебная реформа плохо идетъ въ провинціи по недостатку въ людяхъ. Особенно мало надежды на учрежденія мировыя, и особенно въ нашихъ безлюдныхъ, обширныхъ уѣздахъ. Положеніе старыхъ судовъ, живо погрѣбаемыхъ и совершенно дискредитированныхъ, невыносимо.

Пьянство, кажется, уменьшается. Боятся большаго недобора въ акцизѣ. Вообще хозяйственное положеніе государства, денежная система и финансы представляются въ совершенномъ разстройствѣ. Производительность, кредитъ, всѣ фонды упали, хотя публичная жизнь въ городахъ и земствахъ, въ журналистикѣ и публичныхъ собраніяхъ, принимаетъ огромные размѣры. Но пусть придетъ кризисъ, придетъ нужда. Она насъ застанетъ въ неопытности, но выработаетъ опытъ, которому публичность дастъ печать рациональнаго убѣжденія. Мы недостаточно сознаемъ свои силы и средства, мы немножко привыкли жить легонько, на счетъ крѣпостнаго права, на счетъ канцелярскаго квіетизма и Европейскихъ заимствованій, часто намъ не по плечамъ и не по карману. Пора жить иначе, и мы надѣемся, что геній Русскій, идя теперь открытою широкою дорогою, не замедлитъ проявить и свою находчивость и свое могущество.

(Продолженіе будетъ).

Четверостишіе С. Т. Ансакова къ Натальѣ Николаевнѣ Наврозовой *).

Глядитъ одинъ, но несравненный.
Такая участь Вамъ дана:
И одно солнце во вселенной,
И въ небесахъ одна луна!

*) Н. Н. Наврозова сестра Льва Николаевича Энгельгардта (автора извѣстныхъ Записокъ). Она была на одинъ глазъ слѣпа. П. Б.